

Французская история литературы XVIII в.

Уже во зрелые писатель Дидро созрел на зоркую зрительную агензию и материализма. По поводу одной операции над слепорожденным Дидро во "Письме о слепых" остроумно применил к делу возражения Локка прозреть теорию о врожденности идей и анализировал постепенное пробуждение во прозревшего слепицу, под влиянием опыта и сенсорных впечатлений, губерва справедливости, страха, религиозности. Срало-Барт, Дидро уже не жалел ни о каких агенсах и не волновался за них. Напрозреть агензию слепорожденного Николая Соуи, герсона, умершего во 1739 г. во Кембридже как профессора математики и физики, касаясь ему совершенно логично. Это сочинение Дидро послал Волтеру, и оно послужило началом сатиры при, дженнвиле отношении между ними, не прекращавшейся во всю жизнь. Волтер очень хвалил эту книгу, хотя не соглашался во мнений автора и Соуидерсона, и находил слишком смелым отрицание Бога. Дидро отвечал, что и он, как Волтер, не разделяет мнений Соуидерсона, "но все же боюсь этого, что я не слепой". Церковная пародия, вереводимая отрицательное сверхъестественного происхождения основных идей, добывает сознание, ний "Письме" и заключения Дидро во Ренсенский

замокъ. Волтеръ, находившійся тогда въ Сурз, горячо
хлопочалъ объ освобожденіи философа. Заключение
Дидро было однако не рѣшительное; онъ пользовался
всеми удобствами, обиталъ у коменданта, принималъ
только вѣсть, кого хотѣлъ; какъ уже знаешь, Руссо
являлся къ нему рѣдъ съ проекономъ своей роты на
конкурсъ Диссонской академіи по вопросу: полезны
ли науки и литература? По мнѣнію нѣсколькихъ
литературныхъ перориковъ "Росс" Руссо была наипрѣ-
вѣе въ утвержденіи своемъ. Дидро посовето-
валъ ему развить парадоксъ о вредѣ наукъ — и Руссо,
послѣдовавъ его совету, оказался всего смѣлѣе врагомъ
цивилизациі, тогда не измѣнивъ однажды при-
надлежности наукъ мнѣнію, но за то всего смѣлѣе не-
много просидѣвъ Дидро, что онъ заперъ его на эту
дорогу. Печальна вовсе не подавила духа узника; на-
противъ, именно тамъ онъ обдумалъ величайшее свое
дѣло. Ему не давали ни пера, ни чернилъ, ни бума-
ги; на случайнѣе удовлетворившей у него книгѣ, онъ
написалъ зубочиселкой, обматывая ее въ сѣчевѣ и въ
водѣ и налѣза, ^{обматывая} записывалъ рѣчь Ксенофонта за Сократа и
энциклопедіи. Философа въ тюрьмѣ не осаждалъ од-
нако зверь въ своихъ зубочиселкахъ и создавая, что
прибѣгалъ къ гаданью, тогда узнавъ, скоро ли его
выпустятъ на свободу. Онъ велъ сочиненія Платона

и просель въ немъ первый поавшійся срокъ, и въ
 козоровъ заключилъ о скоромъ освобожденіи. Эро
 дѣйствительно случилось — и по выхodu и въ зюровъ
 Дидро, козорову въ это время изъяснила его недосудъ,
 на въ любовника, сошелся съ м-лле Воландъ, искренно
 любившей и почитавшей писателя.

Уже въ 1742. Дидро, козоровъ выехавъ съ Даламберавъ
 выработавъ планъ, получилъ королевскую привилегію
 къ изданію «Словаря всего человеческого знанія», подъ
 заглавіемъ «Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des
sciences, des arts et des métiers, par une société de gens
de lettres», козоровъ началъ выходитъ изъ печати въ
 1751. Понкий Дидро и серьезный, сосредоточенный
 Даламберъ (закимъ они изобразилъ себя въ своемъ
 «Порртретѣ»), взаимно дополняя другъ друга, одни
 зомско и могли осуществить величественное пред-
 пріятіе, обнимавшее всю совокупность современныхъ
 иль знаній. Понкий зналокъ литературы и искусства,
 съ годами обогатившій свой умъ глудокими свѣдѣніи.
 Ями въ отнукмакъ наукать и погодишелской фило.
 софій, съ дозрѣва специально знакомый со всевоз-
 можными видами ремесель и производствъ, Дидро
 нашелъ въ своемъ другѣ столь же разнообразный
 запасъ интересовъ и знаній. Даламберъ сначала
 занимался правомъ, козоровъ медициной, наконецъ

магическою и астрологическою.

Начало предпріянія было ^{не} обыкновенно скромно. Книгопродавецъ Ле Брезоновъ задумано было въ 1746г. 2го изданіе перевода англійской энциклопедіи (Суд. словаря) Франка Чамберса (Erskine Chambers); была въ двухъ томахъ въ Дублинѣ въ 1728-1729гг. Издатель неудачу съ приглашенными переводчиками (англичаниновъ Миллсомъ и итальянецъ Зеллицемъ), отъ (Ле Брезона) съ званіемъ за предложеніемъ обратился къ Дидро, котораго тогда почти окончили года переводъ "медицинскаго словаря" Демиса. Дидро съ старомъ принялся за новый трудъ. Сидя въ Ренсен, нъ, Дидро быстро импровизировалъ другой планъ. Онъ задумалъ, переработавъ планъ Энциклопедіи, соединить въ ней все свое мысли и дѣятельности человека, смыслъ каждаго явленія и связь между ними; отъ званія передать свой энтузіазмъ Ле Брезону, убѣдиль его въ недоседающемъ англійскаго оригинала, въ необходимомъ обширности дополненій, — и такъ незамыслимо сложилось великое зданіе Энциклопедіи. Почти безъ денегъ, безъ готовыхъ соудружковъ (ихъ пришлось вѣдуть вербовать, уговаривать, создавать), съ массово предпріяній, воздвигавшихся со вѣсьею споромъ, не, узрашавшіе эти люди приняли на себя явное бремя работы, конца котораго нелзя было предвидѣть.

Издавец Гридуазь-гедере дома сь каррами и рисунками значило посвятиць весь свои лучшие годы этому делу.

Сначала шли долго удали. Благодаря Кодазайерву образованного аристократа Датессо, было получено не, обходимое разрешение. Создавиль программу и, Сьерену человеческихъ знаній; Дидро пригласиль въ главные созрудники Даламбера, написавшаго предисловіе — бли, сразельное философское и литературное произведение. Взвостиль они вдуми на себя законе редакціи всехъ сразей. Монжескѣ и Вольтеръ общицали созрудничество; за ними приключил другіе заламзливше люди. Вскорге у Энциклопедіи было уже 2000 подписчиковъ, и число это все возрастало.

Взущицельная сразь раскрыла цотли и дурь изда, ния. Взрозъ знаменильный Discours préliminaire (Предис, словіе) принадлежалъ, какъ мы уже знаемъ, Даламберу, козорый одиель бѣтъ роиско въ созради развернуць перель гизаделель закую грандиозную картину человеческихъ знаній. Литературная часть обзора созравилель Дидро, козорый упрекаель современную словесную въ разеу. догмател и слабел зворсель, вырасиель соцувель Вольтеръ и Монжескѣ, высоко сравиль Монтсера, Кор, мель, лучишель писателел XVII вѣка, и радчель при, ливу новиль литературниль силъ. Но гороздо при, влекательное научная программа Даламбера. Съ увле,

геніель рисують отъ поземетное развудіе зогнаго зна-
ній съ конца среднихъ вѣковъ, опредѣляеть истинное
значеніе Декарта, козорому бездѣльно поклонялись
зогда многие, и высоко срабууть заслуги Бэкона, Нью-
тона и Локка.

Все, что принадлежало къ свободнымъ великимъ
Франціи, стало подъ знаменѣ Энциклопедіи. Руссо пи-
салъ въ ней срабуи о музыкѣ, Вольтеръ по литературѣ
и религиозной критикѣ. Эзого одного (и къ зогну упо-
минанія объ англійскійхъ уремьихъ) было дозвонко,
чтоби возбудиуть противъ энциклопедіи и церковни-
ковъ, и срабууть академическую партію, упорно бороню-
щую съ „англійской“ наукой. Первый зогль былъ Верра-
генъ въ охранительныхъ кругахъ недружелюбно. Ма-
ли справочнаго словаря, и подозрительныо взглянули
на попытку узановиуть связь и послѣдовательность
между разными науками; очевидно, предпринято
было небывалое общеземное-педагогическое сочиненіе
съ ззрого обдуманными планами. Авторѣ возупленія
сводили все познанія наши къ зремь группамъ:
1) въ одной господствующей силѣ палатри, припоминано-
щей все, чтоль шило геловогезво; въ другой парію
2) разумъ, обсуидающий добытая наблюденія; зремья
3) обнимають собой область воображенія, способнаго воз-
создавать герзы дѣйствительной природы, раскрывають отъ.

роль. История, философия и искусство являются главными, мы представляем себе Эриха Грегора, распадающийся на много взоросуженных подразделений, который облетает обзор человеческие знания. Тоголовие похвалено наряду с философией, даже как Одмаково с него поднимено проторке разума; кь тиль приликаея Эрика и Магмадика. Подъезд обличима сь Эриховского, Вайнеле и архитектурой. Широкая область истории дробится на священную, гражданскую и естественную или историю природы; вь последней находимь оцределение на историю неба (астрономию), историю земли, фелогери (ботанику) и т.д., а подь именовь истории приименяя силу природы кь нашимь нуждамь, представлень обзорь развития ремесель и фабричныхь про. изводствь.

Соединенными силами стачала зъченая, потому все разрозненное кружка содружкова счала выкон, являея необязная программа. Вь зеченіе десятирковь мюль, которые Эдиро провель трудел надь Энциклопедією, отъ не зналь ни одного дня покоя. Энциклопедієсь, вь самомь обширномь значеніи Этого слова, отъ зналь все и писаль обо всемь. Не найдя содружника для механическихь искусствь, отъ взял на себя зручаея, хотя никогда не занимался ею. Отъ разоралъ за десятирковь и вынесъ мезиду прочимь, на своихь

плечахъ обширный орудья земледельскихъ сводный и
 механики. Чтобы изучить ее на практике, онъ шелъ
 на фабрики, въ мастерскія, проводилъ тамъ цѣлыя
 дни, знакомился съ машинами, приказывалъ при себѣ
 разбираетъ ихъ, пошелъ отъ складовъ, слѣдилъ за ве-
 ши приемами работника, пошелъ сѣтовалъ на его
 место и самъ работалъ, слушая указанія мастера,
 улавливая самъ многое. Такими образомъ онъ изучилъ
 самую сложную машину: швейную и для ткацкаго
узорчатого бархата, научился знаетъ полозна, шелкъ и
хлопчатобумажную пряжу и составилъ ясныя и точ-
 ные описанія этого производства. Сало-Баръ, Дидро
 сходился съ рабочими, на дѣлѣ изучалъ производство,
 срисовывалъ ихъ орудія, и пошелъ общедоступно из-
 лагать все узнаваемое, до зоркости захватить сраженіи при-
 надлежнѣе ему.

Близость Дидро къ народу сказана еще сильнее
 въ заботѣ объ улучшеніи его быта, о проведеніи широ-
 кихъ общенародныхъ реформъ; и самъ Дидро, и его
 соучастники пользовались каждаго случая, чтобы
 по поводу какого нибудь зерниста политическаго, са-
 ско-кознейскаго, экономическаго, да въ объѣдѣи,
 земельной сраженіи подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ у-
 строено разумный и справедливый порядокъ вещей
 въ свободныхъ странахъ, или изложилъ сущность дела,

зельного, идеального строя, или наконец доустигнув
 той же целью изображением отрицательных сторон
 французского быта. Такими образом, около объеде-
 ния слова Représentants (представлений) выросла
 небольшая трагедия о народном представителе,
 сража о власти поднимала зарождение государственного
 начала, под рубрикой свободы совести выражена находилась
 популярное изложение учения Локка, в сража о
государстве — обзор различных видов перерождения,
 напечатанный еще о порядке его оустройства, — в са-
 килье, списанный предло в науку, сражалась какъ
 Corvée, виднаго правдивое изображение мушкетерской
 народа дорожной повинности, оубывание козлой вы-
 забало болото, голодь, курящую расправу, в обзор-
 нии существующихъ налоговъ возмущалась ить неравно-
 мерности во Франци, и внаесть вь авромъ сража
Privilege годовъ были зредовая оуказы великихъ иудей
 оръ подарей.

Дидро писалъ обо всехъ предметахъ. Въ изложении
 научныхъ и философскихъ истинъ закъ ветоу сража,
 ваясь стелание непосредственного ить приложеннаго
 въ жизнь и оустановленнаго ить каждой мыслицей
 личности. „Если мы хотимъ, чтобъ философы подви-
 гались впередъ, приблизить массу къ той точке, на
 которой они теперь оуажа,“ говорили Дидро, и Фолькман,

недія, обходя всевозможные подводные камни, замас-
 была своему издателью, как сквозь ружье, в разрыве в бо-
 гословаки и оформициозными полумизиками, другие
 двигатели науки на коренные вопросы религии, фи-
 лософии природы, государственного права. Многого со-
 всем не могла было сказать; наряду с скармливали рожка,
 ми слышались иногда по неважно озоросливости, с на-
 меками и оговорками. Даламбэрь преида всего сраль
 унтердэте узрастивий домъ, господствующавший въ издавнн;
 самъ Дидро подчинился необходимости и хорошо зналъ
 весь протекль и печальная недоумовки Энцикло-
 педии. Мстуганной криками и угрозами, кмилопро-
 давецъ-издатель Энциклопедии закончико, и уже после
 подписи Дидро, выбрасывалъ изъ корректурныхъ ли-
 стовъ слишкомъ рожкия мтоса и печальны закиты
 образы неуправленны шль издавнн. Убодившнелъ въ
 домъ, что сражен Энциклопедии уртызанов, передталана,
 издательство, Дидро пришелъ въ оудавннн и хотыль
 все бросыть, но привязанность къ своему друду вздла
 верыль. Онъ продолжалъ работу. И въ законъ виднн,
 не вполне соотвотствующавшнелъ первоначалатному пла-
 ну, она являлаелъ неупытнелъ благовоушнелъ для са,
 временного теловтчесурва. Въ каждой скотско ннбуль
 чужкой думнн пробудндалелъ рядъ безнокончнелъ запро-
 совъ, сурвдъ за шнзрн, козорад процвотозаетъ, основаннал

на несправедливости и насилии, горячее желание ее
 возрождения. Но тесно научный интерес энцикло-
 педии не ограничивался исключительно-воспитательным
 значением. Творил справочный словарь, где Бюффон писал
 об естественной истории, Тюрго о финансах, Кондильяк
 о философии, Даламбер о математике, Кенэ об экономике,
 несколько вопросов, Таллер о физиологии, — Эрозь рудь, ко-
 нечно, не считал себя равным во всей тогдашней европей-
 ской науке. Предисловие (Discours préliminaire) одно
 из тех в сочинении было вдохновлено его друзьями,
 потому двинуто вперед, и с каждым новым годом
 раздвигались обозначаясь ее горизонты над предраз-
 судками и невежеством. Наука, до той поры хранив-
 шаяся за семью замками, выведена была наконец из
 своего плетения, и, выходя из народного штиля,
 вносила в нее проповедь разума. Но это не было
 триумфальное шествие. Уже в самом начале этого
 похода во имя науки, все сочувствовавшие ему были
 опечалены неожиданно враждебными, как казалось,
 заявлениями, исходившими от одного из выдающихся
 членов поревого кружка. Не видя возражений
 Дидро и поворачивая от суждений новой образованно-
 сти по ее одиозности, именно Руссо отделил свое
 гласие своим, «Разсуждением о вреде науки и искусства».
 Кружок энциклопедистов с рудью податил в себя

неудовольствие и безуниженное слово очень сдержанно упомянуло о книге Руссо, выразив надежду, что абзор не издается сочувствием Энциклопедии, которое он доказал своими софистическими в ней. „Мы не станем упрекать абзора в том, что он смышленее образован, нежели с злоумождением разврат; он, вероятно, оубоудил бы нам, что он неразрешим. Но мы просим его разсудовать — не одобряется ли догматическое, приписываемых наукам и искусствам, други, ни причинами, перечисляя которых было бы и долго, и некоротко: Не вредно было, действительно, высунуть сь закона парадоксального тезиса. Франция если срадала тем, то во всяком случае не избыточно знаний. Колоссальный цензор „Разсудения“, неосмиданной для самого Руссо, показал всю опасность красноречивого доказательства вреда науки.

Первый том Энциклопедии вышел в конце 1751 года, второй в начале следующего (1752 г.). Потомае же подымается сущая буря. Суремление кь прогрессу возрело сь сьмьмь ^{французским} озорь вь разрозненных принципах — они имали власть и силу, а на стороне прогресса было только галачь. Парисский архиепископ написал наезверское послание, имьвшее последствие то, что книгу, дозвунную одними чрековий и писателей — прогли веть. На книгу повисали обвинения

въ безбожии и безверии. Татеръ Татеръ написалъ двадцать
 томовъ подъ названіемъ „Ормиченная религія или опро-
 верженіе безбожннхъ авзоровъ“. Всевозможная опасносги
 обезбавляли туру энциклопедіи. Несмотря на зайное со-
 губевствіе ей со стороны новаго главы Бюро печати, Манъ,
 зерба, оба первые тома по требованію своего были за-
 держаны и конфискованы. Даламбергъ хотѣлъ переиз-
 дать издание въ Берлинѣ, но Волгертъ отговаривалъ это,
 показуя что законъ „болше изыковъ, галь кинь“. Дидро
 далъ накого угрозы, сталъ писать озорозитное
 Какъ законъ одобряется въ нѣсколко переломилъ, онъ
 и Даламбергъ вынуждены новый законъ и вырнули задерж-
 нанные ранше. Но суроготъ въ свободной мысли уеи.
 милаетъ велкодствіе разсказо еполковеніи между прави-
 делозовъ и однихъ изъ друзей Дидро, аббаротъ де-Пра-
 довъ, въ своей диссертаціи, представляемой въ Сорбонну,
 приложившимъ пробирку разумовъ къ изученію но-
 возавозможныхъ гудствъ. После диссера диссертаціи была
 озвертнута; въ пасторскіи посланіи епископа пред-
 оерегали пастору и оръ этого согименія, и оръ туру-
 довъ „крузика уренствъ, бегали силами подгозавляю-
 щихъ и разливающихся въ обществѣ дѣв“. Поддавшихъ
 близнито этого заугиванія парламентъ предписалъ
 арестъ авзора и преданіе его суду. Де-Прадо скрылся.
 Дидро изъ озорозитноеи томе на время оставилъ Паризъ

1) Вздывшие за энциклопедію съ зылиа добери не до благополучнаго окончанія, отъ иаскельско поині-
 змиа томе, и въ всего лучше поиніа озвонилъ эмерго, обнаруженную дидро въ зрѣль динк, золье ту-
 довъ, которое было произведено въ немъ телатіемъ добирскъ ченіа: онъ сразу же былъ приниженъ
 и ничего не сказавъ о правительствѣ или религіи такого, что могло бы надѣлать епископа добъ-
 ного скандала. Но за то какъ же гесался у него зыль въ время такой благоприятной работы! Какъ она воз-
 будила его!

и выносить ее другимъ выпускомъ очень спокойной нотой, но дашацій убедительно въ своей правотѣ отъказать или, скажемъ? На зорь разъ самъ король, минуя все инстанціи, распорядился охотнѣе у Дидро и учинить измѣненіе въ французскихъ томахъ энциклопедіи. Такими образомъ, при вліятельствѣмъ въ государствѣ силы обрѣтается на нее. Но издаемъ продолжали работать въ тайнѣ и не смущались караміи. Подобно убедительному инокъ добраго стараго времени, — говоритъ Морлей, — Даламберъ далъ священникъ отъказъ, — но его отъказъ больше подходилъ къ ученому: его девизомъ были благочестье, истина и свобода.¹⁾ О подготовленіи матеріаловъ для новыхъ томовъ узнали, и придумали небывалое насиліе: полиція захватила все бумаги издаваемой и передала ихъ изъучивать, сделавшимъ вдругъ въ свои руки продолженіе, не энциклопедіи и морочилъ общезвестное мнѣніе. Но они не сладили съ работой, для которой не имѣли необходимыхъ знаній; бумаги были возвращены; манс, зорь подавалъ надежду, что вскорѣ испанскія концы, ся и возможномъ будуе спокойный выпускъ одного тома за другимъ. Далеко впередъ, черезъ года промѣлбу сдѣлано вѣнній, Дидро выдалъ презид^{юмъ} ^{юмъ} ^{юмъ} черезъ два года, а черезъ годъ, пѣрой и шестой еще черезъ три года. Седьмой томъ, самый прохій, вышелъ въ 1757 году; но въ 1759 году гоненія возобновились. Озлобленіе клерика.

¹⁾ въ 1753 г. | ²⁾ Apologie de l'abbé de Prades. Этого Дидро иривы, каере по взглядамъ Локка. Спиридуальнея едлаеяея проше всего сенсуалистическомъ. Все познаніе происходитъ изъ опыта, но происхоитъ, дѣне думи оеаеяея еще озиреяеяея вопросаеяея.

каловъ доустигло вачшей степени. Поминимъ прее-
 следованъ энциклопедическовъ въ Академии, Треронъ²
 въ своемъ журналь „Мудрачурный годъ“³; адвокатъ Моро
 уклонилъ правительство образумъ на нибъ всего сурогоудъ
 законовъ. Банкротъ Палмесо, державший своею теною,
 бивель иль на сцену⁴, называе глумцами и уверидае,
 что „гасо глумоеудъ дилаеа невърующими“. Волгъеръ
 озвочалъ, что еще чаще суеторие дилаеа глумцами
 — и принялъ на себя зацтуру энциклопедическовъ, какъ
 какъ они не хотили возраснае. Наконецъ Далаидеръ
 измучился; и по нездоровью, и по отношеніямъ къ Ака-
 демии отъ себя неудобнымъ продолнае работу; удохъ,
 летний преедолованіи, отъ покинулъ редакцію.
 Дидро оеаеа одимъ во глави предпріи, которое
 было оеановлено по приговору суда.

Екатерина II, зомко-то взоидъ на преезанъ после
 стонскаго перевороа 1762 года, приласила Дидро кон-
 тае энциклопедико въ Пезербургъ. Онъ однако не по-
 ѣхалъ, болые всего поому, что озвочдъ его мотъ ра-
 зоритъ книгопродавца-издателя энциклопедии, захра,
 рившаго на нее значительный капиталъ. Но, какъ мы
 знаемъ, Дидро зие книгопродавцеу оумладилъ нуживы
 поедумковъ за его великодуміе. Не принявши при-
 глашеиіи докончилъ издание гдъ нибудъ за предтала,
 ли Франціи, Дидро продолнае работу и следуюцимъ

1) издаице выступили прозивъ энциклопедическовъ въ „Journal de Trévoux“.
 2) Трерон, старшій братъ Волгъера;
 3) „Année Littéraire“;
 4) въ „Petites Lettres à des grands Philosophes“.

саме мэрэ снзгнн посвѣцалъ оны энцнклопедн, но оны
не выускалѣ въ свѣтъ еѣ томовъ. Спорону его прнпѣли
нѣсколко знаменнтельныхъ лицъ. Емю покровнтельствовале
+1 Малешкнвец маркиза Понпадуръ, канцлеръ и герцога Швазель. Ни,
писатель ^{серьезн} Швазель помогалъ писателю денсгали — и безъ
его содѣйствн послѣднне десѣтъ томовъ Энцнклопедн
не могли бы двнгуся въ свѣтъ. Дндро ндалъ нль вѣтъ
разомъ, въ 1767 году, н, замнвъ образомъ, съ зорннеувономъ
довелъ Энцнклопедно до конца.

Поднялся онырѣ такой крикъ негодованн, что ко-
роль, впрочеми благосклонно оузывавшнйся о сочиненн,
долженъ болыо учушнть зредованннхъ клерикаловъ —
н Дндро заперли въ Бндрнлю, оукуда однако вытисн,
ли черезъ нѣдѣлю. Въ зеченне десѣтковъ мэрэ, которне
Дндро провелъ зруднелъ надъ Энцнклопеднй, оны не зналъ
ни одного днѣ покодъ. Энцнклопеднстѣ, въ самомъ од-
шнрномъ значеннн этого слова, оны зналъ все н ни.
самъ обо всемъ. Руссо, пока не нзлѣтнлнсь созубернн
Энцнклопедн, писалъ въ ней сзгнн о музыкѣ, Вонъ,
зрѣнь по лнтературѣ н релнгознной крнжнствѣ. Но сод-
субенно по нзгорнн фрнлософскнхъ доктрннъ у него
мэрэ залъ ни одной сзгнн н, еслн оны съ одной сзгн,
ромъ балъ недоволенъ зтемъ, что нѣкоторнй сзгн
недооураочно снталн, зо съ зрдгой зредовалъ, тобн въ
ннль не возсзавалн прозвнть денсгнлн, которнй оны про-

повторялась. Свой Философский Словарь (1764г.) Вольтер и написал сь целью, чтобы онъ служилъ дополне-
ниемъ и исправлениемъ Франц. Энциклопедии.

Последній томъ Энциклопедии вышелъ въ 1771г.,
дополнительные томы появились въ светъ въ 1772г.

Всё грядущее содержитъ 35 фронтисписовъ. Душе Энцикло-
педии, это — божество сь званьемъ духъ XVIII века: Просвѣ-
щеніе; борьба сь предрассудками и суевѣріемъ въ
науку, религию и политику. Рядомъ когда-то зако-
вой одеситский грядущее получила законъ всеобщее распро-
страненіе. Тридцать грядущее экземпляровъ имѣло уже
первое издание. ^{еще} Въ 1774г. появились грядущее перевода
Энциклопедии на многоязычные языки и не мудрено,
что Кабанис (Cabanis) въ введении своей книги о Rap-
ports de la Physique et de la Morale de l'Homme, ко-
нечно, немало иронически, г.е. сь превеличественіемъ
назвалъ энциклопедическое „la sainte confédération
contre fanatisme et la tyrannie“.⁴

„Мысли оъ изъясненіи природы“ (Pensées sur l'inter-
prétation de la nature, 1754г.). Толкователь и объяснитель
природы, но мыслитъ Дидро, следовательно изъ нея самой, изъ
ей вытекающаго естественія, не прибегая къ какому бы
то ни было вымышленному, внѣ-мировому фактору. Изъ
следованіе „конечныхъ, разумныхъ“ вещей существующаго
производителю единичному знанію и веденю къ однихъ

⁴ Все, чего Дидро не могъ высказать въ Франц. Энциклопедии, вырывается у него наружу
въ другихъ сочиненіяхъ; онъ писалъ не для славы и не ради денегъ, но для того, чтобы
дать выходъ своимъ мыслямъ. Онъ написавъ свои: „Мысли...“ (Pensées...).

произвольным предположением. Можно ли вести серьезно речь о целых и преднамеренности в природе? Влудно оставить подобная исследования целых, о которых мы ровно ничего не знаем, которых при думываюся нами по личному усмотрению и стоить в разрыве с фактами. Везде очевидно, что предмет покинуть вопрос: к чему? и заниматься вопросом: как? — Как происходит то или другое, мы узнаем из самой природы, из исследований самих явлений. К чему, для каких целых усмотрено то или другое, — эти соображения вытекают из произвольных сфер, из наших предположений и догадок, навязываемых нами природе. Так, как образом Дидро видит во всей теории целых империтскую гипотезу; что мы себе понимаем, приложимое к сознательной деятельности человека, к его работе, к его действию, и можно перенесенное на эту область человеческой деятельности на общую экологию всей природы. Обращаясь только к фактам данным, которых мы находим в самой природе, объединяя явления — не обращает ни к каким вымышленным произвольным факторам — закона мысли, которая сквозит в Эпикуре, Ренессансе (Разумности) Дидро и которая Гиссариско развивается лишь в его позднейших соображениях. В «Масляе от изложения при»

рода" (*Pensées sur l'interprétation de la nature*) излагается
 душа и духъ только возвоиеніемъ и совершеніемъ не,
 преслано возвоиеніемъ обитана вещьсуть. Дайте же,
 лобьку организацио собаки и она будеть собакою, дай,
 же мне собаку организацио человека и она будеть чело,
 викаемъ", говоритъ Дидро въ *Reflexions sur le livre de*
L'Esprit (7.е. въ мыслихъ о книге Теллвезия „*De l'Esprit*“,
 1758г.).

Сильно задвывая взглядъ, медіе въ разрывъ съ обще,
 принудили, Дидро более не хотѣлъ навязывать икъ и
 приписывать себѣ мимъ скроиную ромъ искаренъ неженъ.
 Несчастнѣй въ бракъ и найдя оудру мимъ въ свободномъ
 соединеніи своей судьба съ уикного двобуикой, Софьи Воланъ
 (съ козороу поддериивалъ ииуересную перепику), онъ въ
 „Supplément au voyage de Bougainville" (1772г.), предаеся,
 на основаніи преувеличеннѣ показаній згого путешесъ.
 ветника о правахъ Озауфтиъ, незгаль о разумномъ
 и сообразномъ съ природоу изановленіи оуноменіи неон,
 ду полаки. Въ срилозвореніи „Les éleuthéromanes“, гдѣ
 возрочалки тѣкіе срили прозубъ свѣщенниковъ и коро,
 лей, какъ бы предугувевуя революцио, Дидро взываеъ
 къ челоукоесу въ духъ бразеъва и равенеъва, гдѣ какъ
 въ необикновенно искренно написанномъ „Entretien
avec la marquise de ***“, онъ выцмаеъ люднѣ сикна,
 зго и маерински-забоулиное соувервие къ згаль, что

- 1) — двопирамидицеской оды —
- 2) Мехмагери о свободѣ

сознательно идешь ради лишь в безбрежное море сомно-
ний и гипотез, добавляя изуму. Со годами это искание
изуму съ особым увлечением направилось у него
на изучение естественного, съ походу его и издережав-
шаго; какъ во всеь, до того ни касался взоръ высоко
даренный человекъ, отъ и въ этой области оставилъ
важные плоды своей деятельности, являясь предшес-
венникомъ научныхъ теорій нашего времени. Въ сущ-
ордаденнаго похода съ вообще гасго (напр., въ письмахъ
къ скульптору Франконеу) звали Дидро, сознавая,
что шель дальше своего быка; отъ несправедливостей
и гонений переносилъ отъ мысленно къ порту свобо-
ды разума, въ наизумление которой вьривъ.

Дидро неутомимо пополнялъ свои скудные зна-
ла свободной по естественному и смешаннымъ съ нимъ
наукамъ. Въ зрелые годы отъ съ увлечениемъ прослу-
шалъ курсъ анатокъ съ практическими демонстраци-
ями, изабивъсь публично метрикой-медицинъ, съией
Гизротъ, и своими примерами побудилъ массу образо-
ванныхъ людей обоого пола посещать зри небыва-
мая до зого времени лекции. Подъ руководствомъ Руд-
ля (уриель Лавуазе) отъ зри года изучалъ химию; но,
видъ открытій Гюфферона, Линнея были ему дозупны;
физиология, складававшаяся подъ влияниемъ Галлера,
еще болъе привлекла его, и отъ рьшилъ пересмотреть

весь прожитый свои работы по философии природы, результаты
 работы были „Elements de physiologie“ и два примечательных
 новых диалога „Entretien ^{entre} (de) Diderot et (de) D'Alembert“ („Диалог
 между Дидро и Даламбером“ 1769 г.) и „Le rêve de
 d'Alembert“ („Сон Даламбера“, 1770 г.). Дидро, как человек,
 страстно любивший читать книги и споры, любил играть
 свои изображения в форме диалогов. Упомянутый
 диалог был написан им в 1769 г., ходил по рукам
 читателей и переиздан был только в 1830 г. Жюль Дидро
 разбивает в форме беседы с Даламбером свои физиологические
 и философские воззрения. В живой раз-
 говорной форме он высказывает здесь, с гениальной от-
 гадкой, взгляды на происхождение организмов и естественной
 подбор, на значение низменной энергии, на наследственность и т. д., впоследствии развивая и подкрепляя
 основы нового опытного науки, которая в числе пред-
 шественников Дарвина и Эволюционистов выделяет
 (раньше Тэне и Ламарка) и Дидро.

К диалогу Дидро присоединил еще два фрагмента:
 1) „усне уполдняющей науки“, „Сон Даламбера“ и „Про-
 должение беседы“, в которых за те же темы разбивается
 далее, при чем на сцену выведены новые собеседники:
 2) изобретатель врач и физиолог того времени Бордье
 и придворная Даламбера, Mlle de Lespinasse. В
 этих трех последующих фрагментах Дидро с замечательной

проницаемость и остроты и характеризуется зада-
 чи философа и естественных наук. Я приведу остроты,
 но повороту можно судить, как излагалась прежняя
 точка зрения Дидро и как радикально проводилась от-
 казана о необходимости четкого, однообразного зна-
 чения во всем явлениям природы. Я привожу лишь
 для характеристики новой группы в развитии науки,
 французские мнения XVIII века (не остроты, конечно, за
 возрания автора): „Видите ли вы это яйцо? Оно по-
 казывается всего только землей и всего краем
 земли. Это такое это яйцо? Присядьте, взгляните оно опло-
 довлено, это — безгубчатая масса. и когда оно опло-
 довлено, то как оно дышит? Безгубчатой мас-
 сою, потому что и сама есть только перья и грубая
 ткань. Каким образом эта масса переходит к
 другой организации, к губчатости, к жизни?
 — Посредством земли. Это производит землю?
 — Движение! Какие будут последствия дви-
 жения? Вспомните того, кто остроты лишь, присядьте
 и увидите слепца за земли результаты. Сначала это
 — колеблющаяся точка, маленькая нить, которая распу-
 бается и окрашивается, — образующая мясо, кости, крылья,
глаза, подвешивающаяся лапы, шершавая материя, кото-
 рая отделяется и производит вызревание, — это все
 возможное. Шивозное движение жуда и еуда, крики, я слышу
 1) Но откуда движение, о том Дидро дальше не спрашивает, но
 продолжает — „Какие — —“

его крик через скорлупу, оно покрывается ^{тем самым} ~~мускулами~~, оно
видеть. Тогда его колеблющаяся голова безпрестанно
направляется его носом на внутреннюю поверхность его же,
лица; воле суживая пробужда, оно выползает на свобо-
ду, идет, лежит, раздражается, близится, подходит ближе,
жалуется, сражается, любит, сражается и наслаждается:
это и лишь все ваши убеждения, оно совершает все
ваши действия. Междоули вы будете вылезть с Декартова
убеждения, что это голубое подразумевается наши.
Ваше ваши наслаждение маленькое ребенка, а философы ваши
убеждение, что если это — наши, то вы в свою очередь —
другая наши. Если вы признаете, что между вами
и животными разница голубое в организации, вы по-
кажете этим вашу разсудительность и готовность при-
знать очевидный факт; но тогда придется заключить,
что из мерзкой материи, извечными образом распо-
ложенной, на воздухе поднялось другое такое мерз-
кое существо, — с земной и с движением можно по-
лучить убеждение, жизнь, память, сознание, страхи,
мысль. Ваше убеждение голубое принимает одно из двух:
или думает, что в безотраженной массе лица своя,
ваших элементов, осцилляторный развития, чтобы откры-
ть свое бытие, — или предположить, что этим неза-
мысленный элемент проник через кору в определен-
ный момент развития. Но что же это за элемент?

— Занималось оно пространством или цветом? Пришлось оно, не двоясь ли? Были ли оно созданы в минуту потребности или уже существовало прежде? Ожидало ли оно где-нибудь своего зрителя? Если оно было одинаково с данными вещей, то оно было материальным; а если оно не одинаково, то нельзя понять ни его бездвойственности передо развращением, ни его двойственности в развращенном состоянии. Вдумайтесь, и познайте себя. Вы увидите, что для того, чтобы не допустить простого предположения, которое все объединяет, именно двойственности, как свойства самой материи или как продукта организации, вы отказываетесь от здравого смысла и бросаетесь в запутанность, противоречия и абсурд. Там же вы логичны и не сражаетесь на милое понимание фактора другой непонятной, — другой причине, связь которой с результатами не очевидна, которая порождает множество затруднений и не разрешается ни одним.

Мы видим, чего ждешь Дидро от исследования: изучения явлений природы в них самих без помощи и внешних гипотетических сил. Вся великая, насколько она доступна человеческому познанию, протекнула для него единственно. В мире превращений для него лишь чудесная переработка, мимический рудник, лишь двойственность. Встуду Дидро услаживался

Французская история литературы XVIII в.

разнообразная, точно сливающаяся форма, точный круговорот единого вещества. И замечательно, что во сочинениях Дидро мы находим уже намеки, указания, предположения, которые тесно сопрягаются с его, вольней теорией трансформизма. Размахивая все явления в их взаимной зависимости, находя во величии мировых процессов постепенную преемственность, Дидро должен был прийти к мысли о происхождении и об историческом образовании животных пород. Действительно, такая мысль мы находим как во его труде „Объяснение природы“ („Pensées sur l'interprétation de la nature“), так и во „Диалогах с Дамандером“ („Entretien entre Diderot et d'Alambert“). Но, подобно Локку, говорит Дидро, „как в царстве животных и растительного каждаго индивидуума, так каждый, начиная, растет, развивается, свое существование, изводится и погибает, — не совершает ли того же и в чьих видах? — Если бы природа не научала нас, то все эти, возвышавшие из руки Творца камни, какими мы их видим, философы, предаваемые соображениям догадки, могли бы предположить, что элементы эти, возной жизни изъема были раздроблены и разбросаны во массу материи; что затем эти элементы соединились, потому что на это была возможность; что затем, родившись, образовавшись из сочетания элементов, прошли

1) Но кто дал эту возможность? На то кто отвел.

Безчисленное множество ступеней в своей организации
и в своем развитии; что они последовательно приобретают
форму вирусов, преджизней, понятий, мысли,
сознания, культуры, эволюции, жизни, звуки, языка, законы,
науки, искусства; что между каждой из этих ступеней
проходят миллионы лет; что, вопреки бытию, ему пред-
стоит еще новое развитие, новая неизведанная новая
форма и т.д.; что они наконец испекутся из природы,
они, лучше сказать, будут продолжать свое бытие, но уже
совершеннейшим образом и новыми способностями, уже
совершенно в ином образе, чем в настоящем вре-
мя." —

Понятно, что такого рода идеи не могли еще в
самом XVIII столетии получить широкого развития и все,
общего признавая между людьми науки, за недооценку
открытых датских и белгийских сравнительно низкого
уровня птолемеевских возражений естественности. Они бы,
скажем и у Дидро в форме стилизованных предположений.
Нам важно только указать на связь подобных идей
с общими воззрениями писателя и с той новой фан-
тастикой, в которую вошла просветительская философия.
Мы видим, как благоприятствовали просветительские
взгляды всеобщему освещению естественной науч-
ной деятельности. Неудачно, что эти плодотворнейшие
идеи, эта оживленная атмосфера новых идей, оста-

жившая французское общество во вторую половину XVIII столетия, породила первые начала теории трансформизма. Какъ известно, трансформизмъ или учение о происхождении видовъ, въ научной и естественнонаучной форме, впервые было разработано французскимъ исследователемъ Ламаркомъ, въ его „Философской зоологии“, которая появилась въ светъ въ 1809 году; но воззрѣнія Ламарка и общій планъ его труда сложились еще въ концѣ XVIII вѣка, во время всеобщаго броженія философскихъ и научныхъ доктринъ XVIII столѣтій... Въ сочиненіяхъ Дидро иногда мы встречаемся съ такими вопросами, которые поставлены были наукой гораздо позже. У него мы находимъ, напр., указанія на связь между жизнею, магнетизмомъ и электричествомъ.

Такого рода идеи разсуждались въ философскихъ салонахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Мы видели, какъ мысли, которой проводилъ Дидро, уже въ знаменитой степени различались отъ учения Вольтера. Дидро, за который Вольтеръ теперь держался до самой своей смерти, въ Парижскихъ передовыхъ кружкахъ второй половины XVIII вѣка былъ угнетенъ. На доводи эзотериковъ и телеснообразности о томъ, что движущаяся матерія указываетъ на имманентизмъ, соединившуюся съ извѣстнымъ движениемъ и раздѣленно существовавшую ее, — противники утверждали, что они не могутъ себѣ представить матерію, сначала ли,

теплой движением, а позовь привадеиной въ движень,
 поевъ вьтешней нематериальной силой. Движение, сила
-природа самою вьтешнею. Какъ пошевъ начало не,
 материалное, оураменное оу вьтешь принадлежиной
 материи, гурное ей, - днашевовае на эту же самою мафе-
 рию и чевроуе се? -

Этотъ новий образъ мысли счавоившея все ботые
 и ботые гочевроуециши, приоброуае все ботые и ботые
 счоронкиковь. Дидро не мало содншевовае его раскиро-
 счраменито, и не счораво своики сочиненидики, счораво
 бевьтешки, рочавки. Счевроуевовае изломенид счораво
 вьтешней оуо не оуавише, оуавишевался фрагментаци,
 писале иле счураво и предпочивале чевроуе проно,
 вьтешь нечавроуе слово. Дидро ботие блевроуециши, чевроуе,
 чавроуециши и чевроуециши, и, пошико чевроуециши
 зривовь его по Энциклопедии, роле его счевроуе счораво.
 счевроуе вьтешней вьтешней мысли. Влиевие Дидро на
 чевроуециши ботие оуаво значивельно. Философия и мате-
риализмь счавоившея сь этого времени гочевроуециши.

II. Поэты - художники.

Плодовроуе Дидро не ботие самопроизвоина. Оуе
 чевроуециши вьтешней чевроуециши, чевроуециши ботие
 вьтешней вьтешней его мысли; оуе не поше дарс счаво
 счаво этого чевроуециши; но какъ чевроуециши вьтешней,
 все приходило вьтешней; нашики счевроуециши, счевроуециши,

извергала гнев и огонь; несообразное между ея
 срамной сфремиженностию, яв адекинь мужность и
незнаменительныя поводы, вызавшии нль, было
 по истине поразительнo. Такъ, напр, Дидро находилъ
 у Сверга несколько замечательныхъ его ошибокъ; онъ
 беретъ эти несколько ошибокъ за истинную зорку и ни,
 шель рисца срамницъ своего Мака Фрагалеса. Прудъ
 по сказанъ, создавалъ-ли онъ когда-нибудь что-нибудь
 такое, что не было-бы вызвано какими-нибудь вышн.
 ниль поводами, что не было-бы огромнымъ откликомъ
 его существа на какое-нибудь вышнее впечатление.

^{Конечно,}
~~Можно сказать,~~ что же самое происходить и со все,
 ми авторами. Но у Дидро, пресиде всего, вышнннхъ
 зоркомъ никогда не было какое-нибудь его личное
 душевное движение, какой-нибудь его собезвѣстный
 отрывъ: это были зоркомъ чужой мысли, выразившейся
 выразился въ слово или въ искусство; загоръ его вын.
 зреннее восприятие никогда не отдѣлялось отъ этой
 вышней причины; какъ-бы ни было обширно его
 произведение, оно, если можно такъ выразится, всегда
 было ^{фактически} приимлено въ поляхъ книги другого авто.
 ра.

По манеру Кредмилтона, мастера галантннхъ
 непристойностей, издается въ геногахъ, Дидро напи,
 савъ свой романескнй романъ, "Les Bijoux indiscrets" (Наскротеннхъ
 величнхъ)

(«Мескромовыя веприцы», 17482.) Это произведение — гривная, циническая сказка, замешанная на драме, били XIII века. Дидро уродуется здесь безукисно уордаинить чужаеи. — Доезарочно рато и драма, чинеское искусство было одного нао модикить тель Дидро. Он спизало еедо призванить обновить сцену. Подверсада свои зорин пракзико, онь написало во 17572. «Fils naturel» («Подочный сын») и во 17582. «Père de Famille» («Отец семейства»). Во золь же 17582. Дидро козавил на сцену первую французскую драму, «Père de Famille», полную шизейской правды, риную сущую динейвизентную семейную орношениа. Песа не имела однако болшого чепла и видернала всего восель предзавлений. Сюжетъ былъ вздуъ нао комедии Толгоди и золько конецъ биль передиланъ и зо весьма неудачно. Динные комологи, излиш. нае резонирезво, сантименталное, удка буржуаз. нае мораль — все соднйвовало не чепельу зой паса и другой, написанной ранше и во золь же дурь «Подочный сын» (Fils naturel). За зо пашиве, а именно Лессинг, приидли съ воезороль Мизанс, скуро драму, введитую на сцену французскими филозофами.

Художественная сторона у Дидро гармонировала съ его фелнерамантовъ и съ его философией. Я не говорю

или: «Незаконно-родителный Сын»

Драма
Дидро

13

обь исполнении, галзо небрежимошь и зоропливаши;
 совершенство въ исполнении почти не возрочается
 у него. Подъ его искусство надо разумать его архитектуру,
 пещивь сзреленій. — И закъ, у Дидро искусство приима-
 етъ пресиде всего натуралистический характеръ; оно изо-
 бражаетъ жизнь законо, какова она въ действительности,
 и людей — какими, какими имъ видеть. Движи,
 мой впечатлительный, получившиися оухъ вышней
 природы, оно воспринимать ее и передавать какъ бы
 желательски, и удивительного зоркоустью. Это имъ
 видеть и въ его Писематъ. Прочтите имъ и обратите
 внимание на карзены и анекдоты, козоре разсылае
 въ имъ; это имъ увидеть и въ другихъ его произведе-
ниихъ, въ романахъ и разказахъ. Въ своихъ мыщанъ,
скупъ драматъ Дидро не подидаетъ выше тоской
 мелодрамы; нгда по нури Кибель-де-ла-Шюесе, оно
 вноситъ въ драму будничную жизнь, секретно собо,
 лозичерь сзрадательный дивебующихъ имъ, но даеъ
 болло удивительности и золь подрываеъ художескъ,
 великую силу своихъ зреть. Какъ философский, какъ
 и художесственный возрвонид Дидро ^{враль} происходить оу
английскихъ. Мыщанская драгедия и правдвенный
 и семейный романы англиканъ назначили на,
правление Дидро. Извсезно, какъ оно вознесъ П.
гардсона до небесъ. Дше въ своихъ позднейшихъ гадахъ

онъ Лозель — какъ это явствуетъ изъ его переписки съ Мlle Валандъ (З. 2, стр. 87. 140) — переводитъ знаменитѣйшій пьесы Морсуа Лилло и Эварда Мура и снабдитъ эти переводы франкоязычными объясненіями. ✕

Подготовкой свѣтъ (Tils naturel) Дидро имѣлъ ма, но уступилъ, но Отецъ семейства (Père de Famille) имѣлъ болѣею успѣхъ; именно въ 1769 г. эта пьеса съ большимъ фуроромъ представляема была въ Парижѣ, Марсѣ и Лионѣ. Особливо она господствовала долгое время на итальянской сценѣ; Лессингъ былъ даже того мнѣнія, что она на всегда гдѣ осязается. И такъ, Père de Famille сталъ прародителемъ — образцовъ безчисленныхъ зрѣлищныхъ пьесъ, появившихся со времени Мридера, Мерфанда и Козебу, и позже, какъ вѣдалъ сцену. Пьеса не только была долготѣла быть показана по своимъ глубоко захватывающимъ и истинно реальнымъ чертамъ, такъ какъ и по тонкую психологическую анализу, романы Дидро: „Макъ фаулиери“, „Монахиня“, масерской діалогъ „Клеветники Рико“ и другіе мелкіе разказы.

По возвращеніи въ Парижъ Дидро издалъ „Турѣ, швейцарію по Толландіи“, полное поэтическое наблюдательное поеди, и несколько наибольшею зачто-то французскихъ романовъ и повѣстей — мелкихъ разказовъ. „Макъ

1) „Voyage en Hollande“

Романы
Дидро

фразамерз ("Jacques le Fataliste") ильня ильско
 изданий. Это суранный сборникъ разсказовъ и случя,
 евь, неильюощиль между собою никакого оуносе.
 тид и свьданоиль золько бестодого между Максомъ
 господиномъ и коздиного заверны. Въ бестодъ зрой
 безрочаюзея и циническй анекдоты, и зонкая фило,
 софрекая диалектика, и пасльыски надъ зодасимиль
 образиль правления, вьрогель доволно земная и въ фор.
 мь аллегорической, какъ разсказъ о займкь, козорониль 1,
 завладьили негодиль, вопреки есудьзвенному праву и
 здравому смыслу, и еще зналовалис, что золько и
 дурно поильщель и что иль принадлезнарь не вель
 комната, козь вель займкы - иль содудьзвеносель. Въ по.
 нильзель другиль негодиль, содеришьиль иль на тиль,
 лованель, они пильли еще вьносьель негодиль, кодо,
 риль за денель зобвали каждаго бедкаго, кодо оавались
 прохиворочиль иль господиль. Лучиль другиль эпидо.
 довь - исзориль 2-ий де-ла Пильмеръ, козорая оунижаетъ 2)
 изльонильнильму ей лобовнику золько, что зельнильего на
 публичной зельщиль. Самъ Макъ-Фразамерз - зиль
 циника, зельлающаго биль оураочильниль, но козорониль
 не досаель ни вельсоль, ни оригинальносель. Въ дру.
 тиль бестодиль популярно излагаельсь новая филосо.
 фий. Риль идея о Сократъ, безъ велькаго поводя и свьди 3)
 сь предвидильниль.

« Это была мудреца в Афинах, — а издавна роль мудреца между дураками была опасна. Сограждане осудили его выпиты циккуру. Сограды были неохотно вносили в палатонь, который поднес ему ораву. При этом явилась мне, Бразь Макъ, что же в своемъ родъ философа. Я знаю, что людей этого рода многие ненавидятъ. Макъ же видитъ, что я вполне понимаю опасность этого промысла и баснословно признанія, котораго онъ ждалъ зрелую, но я не упреждало ее во зло. Другъ мой, Макъ, же философа! Кто ждалъ знаетъ, и если изъ того, что случится никогда, выводитъ заключение о томъ, что случится никогда, и если же, что свыше определено, иногда открываеся человеку задолго прежде, нежели оно случится, — то я предвижу, что же чиремъ смерзую философа и примемъ веревку въ такого же звердоуру, съ какою Сограды привели гашу циккуру. » —

Какъ много на это уже указано раньше, въ «Макъ-фрагментъ» Эдро прошесть по нури Стерна, усвоилъ себя весь хапризы его писательской манеры, поспешивъ надъ ея излитиемъ и косвенно данъ добрый урок и себя. Если Эдро любилъ сравнивать себя съ Донъ-Ки, Ходомъ, вечно возмущеннымъ, швыряющимъ въ призраки пыль, то и въ манеръ повъези и характерахъ действительныхъ лицъ есть следы видной романа Сервантеса. Множество оудольныхъ сценъ, разработанныхъ

не под-радъ, а повлѣявшиса по временамъ, исе.
 законить, ^{набравъ} дразня ^{набравъ} изаездъ, позовъ снова подвѣщающа,
 ея, соезавляюще содержаніе романа и слабо соединены
 между собой приключенія и дѣять централнаго лица,
 слуги Мака и его господина. Озноменія нѣтъ почти
 равныя; они связаны дружбаю, Макъ прислушивается
 лишь по доброй волѣ; у нѣтъ все общее — и вкусы, и
 привычки; оба вспыльчивы и упрямы, и сполковенно
 бедны къ погромамъ сценамъ; оба влюбчивы и
 любяще вспоминаютъ о своихъ шалостяхъ; оба много
 видѣли на своемъ вѣку, и у Мака выработался свое-
 образный фразизмъ. „Макъ было рошено свинею“, го-
 ворить онъ при какомъ нибудь ^{случае} щелкѣ судьбы и, пред-
 принимая что нибудь, шуря вычисляеть послѣдствія,
 вторичный, что все случится прѣвно наоборотъ. Разказы
 обилие странникова неслучивша; новья дѣйствующія
 лица, подвѣщающіяся на нѣтъ нури, напр., во время дол-
 гой озаковки въ гостиницѣ „Болшого Оленя“, вно-
 сятъ и охъ себя занимающія положенія; француз-
 ская шуря середины XVIII столѣтія выскрываетъ въ ши-
 вѣхъ чертахъ. Чертаи козлица Мака, Дидро влаетъ
 съ тѣмъ презавлываетъ теоретически законное ре-
 лизма, зло стѣетъ надъ „любовными сказками“, ко-
 рыми забавляюще, и дѣти, и взрослые младенцы,
 и удивляюще долготерпѣливо изаездъ; у него выскрываетъ

живые люди и правдивый бытовая сцена, невольничество
 высших классов, монашеское ханжество, авантюристы
 во роде Рамо, деревенские пиротодки. Самый обширный
 эпизод, украшающий весь повесть — «История господина
 де-ла Поммерэ и маркиза Дес Арсис»¹⁾ Сварливая похотка,
 болтливо разсказывающаяся с увлекательной красотой, не-
 держимая по всему повествованию и нежная охладившая
 любовнику, является героиней этого рассказа, влюблен-
 ного в себя болтливой хозяйки господина де-ла, не при-
 кардинального красавца слова, но производящего по-
 зражающее впечатление. Эта де-ла Поммерэ, покаяв, что
 ее полюбил слова, становится настоящим фуриетом, но скры-
 вает мезантинство под надобной ^{маской} интригой, вкрадыва-
 ется в доверие своего бывшего друга, предоставляет ему
 свободу, а сама придумывает ^{неожиданный} утонченный ^{план} охотку. Она
 подбуждает разорившуюся содержательницу и горного
 дома с молодой дочерью принять вид благоухившей
 аристократки — благоухившей, похотеть иль играть
 роль, сводить с ним маркиза, влюбляет его в разврат-
 ную девочку, свенить иль, и после брака открыва-
 ет займу несчастному супругу. Эта часть, однако, недо-
 сригнута; горе молодой свенитницы пробуждает в ее
 душе любовь и вступ в управление, и она уводит
 ее в свои похотки. Все лица стоят перед глазами,
 цель, зорко свенить; драматизм рассказа, утончен

1) Она была переведена по-русски и издана отдельно еще в 1796 г.,
 затем слова переведены в журнал «Издан. литература» 1835 г.

изблизает лишние подробности и психологически
выстрое воспроизведение сражений показывается в Дидро
первоклассный талант повествователя. Романов Расчет
Le Fataliste - наподобие как Кандиду Вольтера, но без
его прелесть и остроты. X

Гораздо лучше по содержанию и по форме другой
романов, романов в письмах, Монахиня (La Religieuse),
изданной после смерти автора. Это - один из лучших
романов XVIII столетия. Учен образ изложения истории
своеобразен. В маркизу de Стоймаге, другу Дидро, Трик,
ма и философу-ученого кружка, собиравшегося посто,
долго у швейцарского барона Тотбаха, обрадовался мона,
живя с прелестью Тотт и услышавшим при оутыне,
ни монашеского образа. Маркизу едлавно все, что
зало посто, но покровительствуя посто, намо,
несть из виду. Тогда маркизу, живущего в сельском
уделении, ость привлечь в Париж, Дидро виду,
мать перенесу монахини ет маркизом де Круас,
маром, в козрой монахиня снова просит мар,
киза о покровительстве, и ость этого удалного е,
крестьянина и наставителя пронзочив романа
La Religieuse. Главная мысль книги - борьба против
монашеской жизни. В слоге и стиле, убавка,
фельнов рассказы видны писатель лучшего периода
французской литературы, изблизавший зрелости.

+ это напечатано
уже около 1760
года.

1) Меллиор Трибли (1723-1807), вконец офранцузившей итальянцы,
автора 16-томной „Корреспонденция“; одного из важнейших источ.
ников литературной истории XVIII века.

козорую позволил себе в произведениях своей молодости,
 изобнавивший закономерности, то замыслил в „Макс-
 Фрагалиста“ и другие, подобные ему книжки. Романов
 как верно замечено из действительности того
 времени, как наполняется происшествие, которое тогда
 действительно случилось в известной фамилии, что,
 кажется, будто читаешь автобиографию. (Романов имеет
 форму признаний монахини, описывающей свою жизнь).
 Каждый усматривает от событий, рассказанных в этом
 романе, и будто прокликается положение вещей, добав-
 тельно возможными подобными явления. Мы видим, по-
 кажишь в родительской доме, где ее купили до этого
 пор, пока она согласилась, по видимому добровольно,
 выйти в монастырь; мы видим добрую и дурную
 издержку; видим, что и суды были тогда беззастенчиво
 прозваны деспотизма монастырского цезаря. Мучения,
 изобретенные для усмирения плоти, не подчиняв-
 шейся образу жизни, в козорове гасли весь человек.
 Грехи гурьва, описаны угрожающе и живо. Мона-
 схиинская жизнь перед революцией ни в одной кни-
 жке не изображена с такою истинною, как в этом
 романе. Во второй половине книги представляется
 с усматриваемым правдоподобием и искусством за-
 кат сцене в каменном монастыре, козоровые
 не решились бы представить ни Звеница, ни Петроний!

1) Звеница (42-122 г. н. э. Хр) описывает в своих 15 картинах пороки
 и вырождение населения столицы и возмущение людей высшего круга
 Рима. — Петроний в своем романе „Сатирикон“ описывает жизнь
 и возмущение римского общества.

Практически психографин романа, «Монахиня» (La Religieuse) превращает всю литературу романов XVIII столетия и стала предвзвешенным реализмического направления новейшего романа. Томас (письма молодой цыломудренной девушки) оселся неокончен, как как возвращение маркиза де Круасмара в Париж и описание идеологии положило переносные концы.

Дружеское движение многочисленной группы писателей не могло не вызывать усиленного противодействия со стороны власти и ее приспешников. Усиление реакции было связано с воцарением новой династии, Джо-Барри, восстание в отношении с исидорами, совер-
шено гусидой мещенарским заманкаль 2-ми Поль, падурь и поощрившей слабого короля к репрессали, яль, нарого заказав, напр., портрет английского ко-
роля Карла I и при каптаймел поводу указывая на него Модовику, в виде предостережений. Слова ободрили продажные писак и докосники, зриво бывавшие к безнощадной реакции. Возмущенный Эрмиль зрелищель, Дидро написав около этого же времени (1760 г.) одно из лучших своих произ-
ведений, диалог «Le Neveu de Rousseau» (Телемачиско Рамо). Дидро убеждает, что диалог зреть не что иное, как схранца из его жизни. Он каждый день любить

1) «La Religieuse».

гулять после обеда в Пале-Рояль, в холод и ненастье
 спасаясь в café de la Régence и развешиваясь, как
 игрок в шахматы. Однажды, сидя в café, он под-
 нимая глаза и видя перед собой знакомую фигуру
 искалца приключений. В зренье головки сражающейся
 с бытостью здравого смысла с безразличностью, сестры с
 сатой беззащитности, безразличности; он не без даро-
 ваний, но не поднимаясь над уровнем посредствен-
 ности, и его ^{мысль} гложет зависть к „генералу“; „если бы
 он знал историю, он доказал бы, что все вредно и ро-
 недобро от нуля, но он не знает истории, потому
 что ничего не знает“. По поводу того, как завязывается
 спор, характер сражающегося содействования все роуле обри-
 совывается и, по замечанию Тере, оураливаются и дамы,
 зересовываются своего правдивого низости. Диалог
 идет вперед смело и оурачно, представляя блестя-
 щий образец драматического речевого, к позорному
 Дидро приближился как бы безозначенно, тогда как
 драмы его, прямо написанная для сцены, сражаются
 многословием и глупостью. Племаньяк Рабо
 в то же время одним из наибольших глупостей
 и глупостей типов в новой французской литерату-
 ре. Дидро вошел в антрактную едкую личность
 клеветника и паразита, и выдвинул основную черту
 всякого подобия характеров. У Рабо свои счеты

сь одицелубивъ и свой борба за существование; „век коро,
 бы символически помиралось одна другую, въ одицелуби
 изредляюць другъ друга век сословий: это раздразняетъ
 мысль, что въ „Парижъ покрыва десятъ тысячъ прекрасно
 сервированныхъ столовъ, каждый на двадцать или
 двадцать человекъ, — и ни одного куберца не похавле,
 но для него; что есть кошелекъ, полные золота, кто,
 шагаетъ направо и налево, а ему не догадаться ни чер.
 возица; что заедни говорюновъ, беззаламновъ и ни,
 тожновъ, презрительновъ и изригановъ хорошо одожи,
 а отъ долгиемъ ходитъ въ лоджовъхъ? Онъ живетъ
 плутилки, порошца легковърновъ, мезуръ, свѣтиль
 и кривляеца, но на души китиць злоба. Онъ не вторитъ
 ни въ одно порядочное куберцо, убогидель, что все мож,
 но продажа и купитъ, и для ветель коровъ буть посред.
 никомъ. У сына онъ выживаетъ маиду денегъ, между
 наураецъ пользуется молодоецко и красою. Рако
 сладострастно риецетъ себѣ блаженннцо минуру, когда
 будеть богачъ, „принимитъ все, что выносилъ отъ
 ниль, и возвращетъ съ придакѣю то, что оти для него
 еднмалю: „Я модлю повелѣвать, и буду повелѣваемъ;
 у меня будеть на малованчѣ золна мезуровъ, шу,
 зовъ и паразировъ. Я буду говоритъ ниль то же, что миль
 говорили: ну, негодди, позншайте меня, — и меня бу.
 дуть позншайте; разорвае на клочки гезривель людей, —

5 *Анненъ риде*
субвенди

и шиб разорвуць, если факско найдучь закнчь людей! Въ
 превосходной пандакимы отъ чре видичь себя окружен,
 нить велики чухьами богачева, ^{...it Jan August Schlegel} смурнуць оу чдовомсудь,
 какъ дучю заснаець сладкимь смочь, и пробудидаець оу
 грезь, снова сознаець своего малкую чраець и зичезно и,
 щерь вокручь себя вообразимельно поклонниковь, Та,
 какъ людей, какъ отъ, не мало; чылая майка работа,
 ерь надь общесуденной деморализацей; эо нечудакни,
 ки - писатели и худозиники, чезомлоды бозь мьема,
 бгбдьяки, паразиды. Тогда они въ сборь и кнчь найдучь
 хорошо накорнмьены, они прихадьчь въ личное на,
 сруение дуча; для нить нчурь мурше замьдрия какъ гер,
 нурь вель порядочный репузаций, доказываець, что, у
 Волсгера мчурь генид, что Бюфрфона проецо болтуць,
 то у Казановь въ мнцияторь въ родь Дидро сдерман,
 поець и скромноець скриваець зависець и гордоець. Мь
 пачьдаемься, зочно болки, почель того, какъ земля осво,
 богучь оу сыога, и какъ зигры рвелъ въ плочки
 все, что мнчезь чснчель". Трозивомоложноець проевоь,
 зичельный идей и чарезва философовь съ дикими личь,
 нисезвовь оуьчснчельный мль подонковь общества
 не могла бычь зрче обрисована. Дидро не раздрамаець
 нападками закнчь личноець; "онь смзаль бы себя оскор,
 бленнымь, еслиь его етали хвалить зчь, кро позорить
 ерелький даровидель и чезумныхь людей?" Бмь хотилоець

бы, правда, удермань неслучного малаго оуь полного на-
 падений, но это напрасный зрѣдѣ, — отъ гордичья зѣль,
 что и теперь такой же, какиль биль пресиде, модиль,
 чтоѣ это несчасье продолжалос еще мартъ сорокъ, и
 въришь, что доедимерь ктѣли. Riga vien, qui rita le
 de...; послѣдній ельиль лучше первого, или: крѣ на
 послѣдокѣ холѣчеръ, зоръ и бесель бартъ холчеръ).

Случайно понавиль въ послѣдствѣи на глаза одному
 изъ редакционниковъ Шиллера въ Петербургѣ среди пере-
 безонныхъ дѣла бумажъ Дидро, Эгоръ діалогъ, сумелъво,
 батил козорого никакъ не подозрѣвалъ, повилель емака,
 ла въ польскоуь переводѣ Тѣре, провозгласившаго
 его мировиль произведеніель. Затѣмъ спомъ же случай,
 но найдена била въ Орасбургѣ подлинная рукопись,
 и это прекращило возникавиль сомнѣній. Не замолк,
 ли разпорочивиль догадки объ оригиналь главнаго
 дѣйсвующаго лица, искавиль его го въ Палиссо, го
 въ реальной мнмези бродившаго по улмцавъ Пари.
 ма въ зналкоуь видѣ тельянника композитора
 Рамо. Эти догадки напрасны; передъ нами собира,
 замкая, дѣйствеская мнмеза, болтае силкая и всеобъ,
 емлющая, киль какой би го ни было художесвель,
 ной порзрѣхъ. Какъ мы уже слытали, Дидро ильенно
 увордѣрь, что діалогъ Эгоръ не это иное, какъ сфрани,
 ца изъ его мнзри. Пельянникъ Рамо — эта эскен,

Фричная и сильная фигура — вскружает перед нами с удивительной рельефностью и остротой ^{впечатления, живости} профиты, интонация, шесеры, гримасы, мгновенные изменения в зоне и позе, основное этимоло характера и подвижн, моде внешних форм, маскирующ его, — все это оживает в поразительном диалоге. Дидро, бедога, помилуй, вложил в своего героя много своего и придал свои соображения идеи изобразительному мис лицу; ибо трудно думать, чтобы насущный Рано был так глубоко-мыслительным ^{человеком} повесой. Но, с удивительным по нижанием объективного искусства, Дидро слил это свое с злым оригинальным существом, внузренний образ погоря носил перед ним и водил его не речь. Когда он писал рассказы, он видел все происходящее в нем; лица, высказан, мелкая обработка, ка и аксессуары, все это вставало перед его глазами и заносилось им на бумагу; его рассказы, это — ряд гравюр, Бергамов, р.г. гравированны на меди кар зимо.

Но эти зеркала, картинки, сладкие подсти, зеленая надписан, а эти надпис — романтизм; но крайней моче Дидро срелись к романтизму. Тре клоняет перед природой, Дидро относился с особым убаждением к своей природ; мис-бы существовал он и мис-бы он был Дидро, а до осязательного язы

было мало дала. Пламями Гамко представляешь од,
 како сгасливое исклечение; въ другихъ произведеніяхъ
 Дидро судъсудивное слышывается съ обьективными; съ
 вьнегартоніями вьншней природы перемелозей и
 сьтальозей, слышья другъ друга, порывы Этузизама
 и негодования самого Дениса Дидро, его тушкой, не,
 обузданной, безнокойной индивидуальности. Онь чье
 носить въ себѣ зародки романтическаго лиризма.
 Доказательствомъ этой слуха слѣдующіе два отрывка,
 изъ которыхъ одно мѣсто чье было цитировано у Фрага;
 а именно: „Звѣзды, ^{links} таборонь, ^{rechts} коноплянка и чиниши
^{Maalton} сурекочаръ и ^{großflor} щеделуть, пока продолжается день; лишь
 золско закадуря солнце, они прыгуть головки подь кровля
 и засыпають. Тогда геній замираеть своего лампаду,
 а дикая, одинокая, гурдатоющая человѣка ирца, съ
 землями, печальными перьями, начинаеть оглашать
 своимъ пѣніемъ маленскую рощу, прерывая мѣло,
 дичными звуками зимни и вьрже ночи“. Развѣ
 это чье не напоминаетъ Шлагодриана? спрашиваешь
 Лансовъ? — Вошь вьторой отрывокъ:

„Первая клѣтва была дана другъ другу земли двѣмъ
 плодскимъ существамъ у подножья скалы, разветав,
 шейся въ прахъ; они призывали въ свидѣтели своего
 посядателя небо, которое ни минутѣ не осажда од,
 тиль и зиль-ше; все проходило и измѣнялось въ

1) Chateaubriand (1768-1848), это-пионеръ французской романтики.
 Онь - на пудесерви въ Америкѣ - протискивать вьнегартоніями
 великой природы.

ниже самих и вокруг них, а они сжигали свои сердца
свободными отъ всяких превращений. О джун! боготворь
джун!" — Разве это не буквально двое сферой изъ Ал-
фреда Мюссе? спрашивается отъ Лансона?

Но любознательные всею, что зорь мирисеский порывъ
Дидро бурноаеде въ Макъ. Французскъ. Среди реали-
стической исторіи намъ уже извѣстной мадамъ де ла
Польмеръ вдругъ какъ-бы образуетъ зрѣюща въ звердой
оболочкѣ разсказа и неожиданный приливъ чувства
выбрасываетъ несколько смущенъ сжрокъ, за которых не
принимаетъ на себя отъзвучивающа ни авторъ и ни
одно изъ его дѣйствующихъ лицъ; затѣмъ все сѣмъ-ка-
ше снова успокаиваетъ, и мы черезъ две минуты на-
закливаемъ на чудовищную неприспособленность. Такова
непоследовательность и безвѣдность поэта Дидро.
Въ его срилъ бурноаеде все: и анализъ, и синтезъ,
и идеи, и ощущения, и галлюцинации, и реализмъ,
и романтизмъ; "Это чистый ^{мистический} китайскій мѣръ, въ кото-
ромъ иногда ощущаеде красоту, но въ которой гасно
затмѣаеде, но крайней мѣрѣ, жизнь." (Т. Лансонъ).

Последнее замечаніе приводитъ насъ къ другому со-
ображенію — къ соображенію объ идеализмѣ у Дидро
классическаго идеала и о замыслѣ его новыиъ идеаломъ.
Это произошло затѣмъ величавіе его возвращенія къ
природѣ. Природа не забываетъ о красотѣ, о томъ, что

1) Alfred de Musset изъ Париза (1810-1857) ³⁷⁰Единственный блестящій и гениаль-
нѣйшій, но и несчастнѣйшій изъ французскіе романтиковъ. Въ сво-
ихъ мирисескихъ снхъ-образованіяхъ (Базиса изъ Италіи и Ураліи), въ пикарескѣ
снхъ-образованіяхъ, Романъ и въ романѣ (Признанія джунъ снхъ-образованіяхъ — Confessions de l'enfant de
дидро) мадамъ де ла Польмеръ радостно отъ изобилія жизни и бодрости къ неслышанно-

принято модным называть красотою. Природа забывает
 только о жизни: возь вь цель — насодящая, есудвет.
 ная красота. Кудоситиць голметь спараеть передаць
 фромье жизни и ея дюдзевноесть; тьль эти фромье бу,
 дудь характерные, а жиднедодзельноесть индесивные,
 тьль болтье будеть вь данной есудветь красоте. Обь,
 есудеть мидературного ^{вое} произведенья голметь быць ха
рактерь, а не правилноесть, благородство и финитноесть,
 з.е. не элементь классической красоте. Такое направ,
 ление уже болло придано роману Лесаменль, Кариво (Charivant (1658-
 и Трево, но нидеть еще зта новая зерехика не высудна, (Povost d'Esiles
 на ея закой силой, какь вь Племьитиць Рамо, мршамль
 и каидолье вьддерснатноесть мр произведенья Дидро. (1697-1763)

Вь лица героевь, избранныхь Дидро и созданныхь или
 сообразно своему идеалу, вь Племьитиць Рамо и вь
Макль Фрагалесь, снова высуднаеть на сцену натура,
лиць Радль, натурализмь Панурга и бразь Мама. Нько,
 зорнь герьки Племьитиць Рамо поводит на Фригаро
Бочарне и Племьитиць Рамо принадлежить кь тьль
 те двучисленныесть фигураль, какь Дон Сезар де Ва,
зан вь Ричу Влас Виктора Тьго. Сильный, мр обидь,
 мой жизни заммерзованной азьикь; насодящая ван,
Камалия ума и оузрозы; рьзкоесть изобразенья Харак,
тера, не безрогачная погми ни вь одноесть другомь
 произведенья XVIII вьтка, — все зто дмлаеть Le Haven de Rameau
 Rabelais (1483-
 1553)

классического книгого.

Но и какъ авторы небольшинствъ разсказовъ изъ обширной описки (Petits rariés), Дидро неподражаемый, особенно хороши блестящие этюды о метафизикѣ, какъ-то: Мезоридъ и другъ изъ Бурбони (Les deux amis de Bourgogne), Мезоридъ двавицы де-ла-Шо и доктора Гардейля (Histoire de Mlle de La Chaux et du docteur Gardail). Это были самыя блестящия разсказчики XVIII столетия, не исключая и самого Вольтера. Последнимъ сочинениемъ Дидро были Отрывки о царствованіи Клавдія и Нерона. Это не больше, какъ памфлетъ Сенеки, модъ фронтоннаго нехоринскаго разсказа. Тщельно много напыщенныхъ фразъ и длинныхъ разсужденій; но еще больше фантасма о самомъ себѣ и своей ссорѣ съ Мать-Макотью Руссо. Но замѣряя художественныя вопросы и литературныя вопросы никогда не озадачивали у Дидро наиболее сообразовавшихъ его склонностямъ и интересамъ философскія и научно-прикладныя.

III. Кризисъ.

Несмотря на усиленіе реакціи, энергія Дидро не ослабѣла, напротивъ, возрастала и призывалась во всевозможныя области. Углубляясь въ журналъ Трибуна, онъ проявилъ редкія способности художественнаго критика; особенно модъ декарта, стремился слышать

Французская история литературы XVIII в.

ему, как драматургу и георгику сценического искусства. Поклонник формы диалога, онъ лучшею свою работу по теории сценического искусства изложилъ въ видѣ разговора: Это — Парадоксы объ актерѣ. Дидро обращается къ современникамъ ему художникамъ сцены, воспитан. нымъ на логикоклассическихъ драгедидлахъ, съ зредованіемъ естественности и близости къ природѣ; зная по себѣ вредное вліяніе излишней гурьбузентности, онъ ищетъ отъ актера ^{Hand playing} зоркаго изученія душевныхъ явленій и второй передачи, но подѣ условіемъ полного самообладанія; замыселъ автора долженъ быть осуществленъ, но возможною даже развить дальше; актеръ долженъ быть и правдивымъ наблюдателемъ, и зворящимъ художникомъ.

Дидро былъ удивительнымъ комментаторомъ, часто болѣе интереснымъ, чѣмъ самъ текстъ. Онъ умѣлъ пре-восходно представлять чужія сочиненія, но не былъ способенъ (говоритъ Лансонъ) соизвѣстовать о нихъ сужденіе. Въ то время, когда вамъ казалось, что онъ слушаетъ васъ, онъ бралъ наудачу фокусъ, на которую вы его на-дакивали, и отправлялся путешествовать за свой со-звѣстный текстъ; когда вы кончили, онъ излагалъ вамъ книгу, которую онъ написалъ бы на вашемъ мѣстѣ; заключить образомъ онъ посылалъ критику. Что же самое происходило съ нимъ и въ разговорахъ:

мне всего, что вы говорили мне в течение двух или трех часов, от слышала только какую-нибудь одну удивительную вещь; отне хватало за нее, работала над ней, придавала ей увеличенные размеры, и ваша маленькая мысль обращалась в огромную сферу, иногда возмущавшую или утаскаивавшую вас. Таково было мое мифологическое аппарат Дидро: посредственная интуиция, живая и удивительная озвучиваемость."

Теперь надо сказать итальское слово о знаменитой даме Саломе Дидро. Во всяком случае несомненно, что Саломе Дидро (1765, 1766, 1767 22.) имели в свое время знаменитое влияние. Справедливо будет сказать, что она основала, если не художественную критику, то, по крайней мере, художественную журналистику. Мы в первый раз встречаемся здесь с более или менее значительными произведениями, изданными своими предметами издательской искусства. Дидро стал говорить в литературе о картинах и скульптуре, между тем как до него издательская и литература представляли собой два замкнутых и разобщенных мира, не существовавших один для другого. Точно также художники и писатели жили отдельно друг от друга, каждый на своей стороне. У М-те Шюфрван были общества для художников и общества для писателей, и на эти общества было мало обидеть поэтов. Дидро открывал

Саломе
Дидро.

ср. Лакоон
Лессинга

быть эти барьеры. Будучи литератором, он постигал
 мастерский художников, беседовал и спорил с ними;
 он эмпирически свои идеи с мнѣ теоретичеки, своего Зерзика
ноза с мнѣ Зерзиковой инвонисова и скулпторова.
 Он открыл область искусства для публики, вращавшейся
 с до него исключительно в сфере литературы; среди
 вещей своих самизинформационных изданий и ученых
 диссертаций, он воспользовался художественной
 форма своих читателей; он учил мнѣ видеть и наслажда
даться, схватывать второе положение, издательского
 Все это снова вошло на сцену позднее, и такого рода
 общение, установившееся между искусством и литера-
 турой не охватывает даже влияния на последующий пово-
 рот к романтизму.

Такого рода художественная критика не удовлетворила,
 являясь в настоящее время. Она слишком литерат-
 урна; она слишком охотно овладевает сознанием,
идеями и начинает разбивать мнѣ, замывая работу ху-
 дожника или скульптора работой писателя. Здесь, как
 и в других случаях, мерзость Дидро создала в толь-
 кобы взыскать с своими соответствующими мыслями в
 мысли других и впадает в безконечные озеруше-
 ния; картины и статуи представляли еще один вид,
 ходя для живых и проданных взыскать по чувств,
мыслей и образов.

Однако не будем слишком строго к Дидро (говорила Лансон). Прежде всего, какую бы несомненною истину бы ни изрели относительно этой герцогской натуры, во прозвонномом мнении о немь всегда будеть заключено, гадая факте изъясняя доль правды. При томь живомь кубежь реального, какое мы уже заключили въ немь, отъ видеть картину и заставляеть видеть ее дружить. Раньше своихь содруземныхь изиданий и во все продолжение иль, отъ держимь передь нашими глазами то ил, доискусственное произведение, съ козорныхь связывающа его различнымленид и его охужденид; гадая или десязго сзрочами отъ заставляеть насъ похубеждать его. Такая способность — не бездельца для художественного крафика.

Гадать, отъ итьель способности уловить и указать характерь, правдивоеть и выразительность лиць, тесноты и положений; его кризический замыкание оуличалес оригинальностью и вкусомь; видно было, что отъ ил, оуничковно связывалъ вниманидя формы жизни въ иль подробностей и въ иль взаимной связи. Наконець, у него было еще одно драгоценное качество: способность сидеть о живописи съ точки зрениа живописца, иже, решающа освещениемь, красками, наслаждающа иль издичными и эстетическими комбинациами.

Дидро писалъ обо вельхь предметахь, по просьбамь своихь друзей и даже незнакомыхь ему лиць, какъ въ

коллекции отпаламь сочинений за своихъ доваринца. За
аббата Рейналя отъ написанъ газетъ его „Философской
незории“, за Тришма писалъ три года сряду въ его газетъ.
Этотъ отъказы о елигодныхъ высказанъ символиси и
скульптуръ. X

Карикату и сказы, о козорныхъ Дидро говорили, зредова.
ли закоо кризисическаго приема, что отъ не вгабался въ болше
землическия подробности, позоому что боялся пересраит
боже пондурисиль для публики. Три произведенія были
полныи еисро-мизрауричисиль гезиденции, оти козоили дий.
субовае на публику стознезани и идеями, вздривавшимъ.
ся эдилли стознезани, — иривали у Буше (Boucher) и Фра.
гонора, еладоеураеуеисиль или кравочуеисиль у Трѣза
(Grenze), философисиль у Бумардона. Мивонисет и скульп.
жура обрацалис каизгад на своихъ содзвенноиъ азвиса
къ разуку. Дасие въ самой композиции преобладала
мизраура, факъ какъ общаа араншировка и прависла
расположенія аксесуаровъ замизривалис у театръ.
Дидро поощряли факое направление. Если отъ нама,
дали на Буше, то за то отъ анподировали Трѣзу и
крисали ему: „проповѣдуй намъ правезвенностъ,
мой другъ!“ и Трѣзъ змизривисильно рисовали каизда,
зеленый и скульптивийид драмы, въ родѣ Оуза семей,
срва (Père de Famille).¹⁾

Все годилос дѣл Дидро; главное заключалос въ факъ,

¹⁾ Возраженія и разногласія Дидро не зредовали, — „горе зору произведенію, которое не въ.
збасеъ раскола въ антиидѣ (malheur à l'ouvrage qui n'excite point de schisme)“, гово.
рилъ отъ. Сраб. Nouvelle Revue, 1883, 15 septembre.

тобы писаря, а по забывши свое имя под сочинением не
 досраваляло ему никакого удовольствия! Дидро, носил
 зрительную старь такого неурядного измидия, чморь, по-
 мерь быт, съ сознантением о разь, что не устать бы,
 скажут всего, что было у него на уме. Также иже,
 сивная поговя производительность была резульгатовь
 усиленного умеренного пираид; его огромная мис-
 лительная машина, находившаяся всегда подь высокими
 давлениемь и исполнявая непрерывную работу, должи,
 на была помощарь божие запасы пираидныхъ маге,
 риаловь. Дидро не обладалъ зворжескимь гениемь, ено,
 собнымь извлет чужой мурь изъ своего содубеннагоду,
 ла; ему далеко было до Декарта и даме до Руссо. Это
 обязывало его быт илюбознаемнымь и чужымь. Фраз
 справедливо замкнул, что Дидро обладалъ многими
 сводьмидями, очень мало распроураченными въ его
 время. Между темь какь люди далеко не родкаго дедь,
 ка придерживались ^{benigniflief} удобопонимать разсуждений лок-
ка и осуждали передь Симпозой, бодет разбух отъ него
 голову. Дидро проехо и безъ ведкаго шума, усваива,
 ерз величуро и многозрудуро сисреду Лейбница, въ,
 разьно, что по этой ижеице приимть, отъ и прио,
 брель во Францие репурацио пальеицкой головы. Митовь
 въ виду Neveu de Rousseau, не понярно, носету Sainte-
 Beuve назвавь Дидро, la tête la plus allemande; но

якоже и
вассинер

1) Въ производительнось Сенъ-Беву, который называлъ Дидро палеицкимь "мурь величь французь,
 окиль писарель, а Тракия иериткой, французь, среди помичурь, извощеный Дюбуа-Реймонть, въ франц,
 произнесеной въ юбилейный годь въ берлинской академии, видурь у Дидро мурь и национальней
 свойства англичанина. - Вотъ эта, произнесеной 3 июня, спало бытъ францие французскимь юбилейнымь
 празднесурь, напечатана въ Deutsche Rundschau (September, 1884, "Zu Diderots Gedächtnis").

и философский сочинитель Дидро и многие последующий галльский огузенок, а не германский. Дидро зналъ и о послѣднихъ изобрѣзателѣ и наиболѣе поучительныхъ отъ, фальшь фальшь науки, который только въ последующее время прогно усманавливаются и распространяются. Онъ былъ знакомъ съ живописью и съ музыкой; не можно сказать тогда онъ не судилъ о нихъ иногда въривъ и въоев; но изобрѣтчикъ его логичность суждений никогда не заключался въ недосадухъ зорности или фелмическимъ свѣдѣннй. Въ области изобрѣзуръ онъ обладалъ оубо, мой наизумность, заключивалъ въ изобрѣзурива изобрѣзуръ и зналъ XVII-ий вѣкъ. Его свѣдѣннй о древ, поези были фактически очень велики, и эти свѣдѣннй не ограничивались случайными впазлывннй, вынесен, мами изъ библала чтеннй: онъ вникалъ въ подроб, поези и суремился къ поэте; если онъ читалъ Го, рацнй, то читалъ его, какъ филологъ, поэту и перерикъ; если онъ читалъ Плинид, то читалъ его, какъ филологъ, живописецъ, археологъ и химикъ; каждое сочиненнй онъ изучалъ, какъ специалистъ, прамиде члнвъ восполь, зоварся нлвъ для своихъ личныкъ метаннй!!

Резюме. — Кем Дидро.

Дидро являлся не менее знаменитой фигурой XVIII-го вѣка, нежели Вольтеръ и Руссо. Раньше Руссо и въ то время, когда Вольтеръ еще былъ отурани пред,

У Кларонъ Вольтеръ прозвалъ его, напрофиланнй, вселюбящимъ, недаромъ его поколение нлкъ не называло его, какъ филологъ по приамидеизу, Le philosophe. — Дидро иногда называлъ и зворннннй геазрачннннй и изобрѣзурив, бемннннй фелсезоннй. (Ср. Edmond Scherer. Diderot, 1880.).

разсудками, заслуживать и своужелать человолюбием,
 Дидро открыто высказался за естественного человека,
 за первоначальную человеческую природу. По его мнению эта
 природа создала — по крайней мере в самую раннюю
 эпоху — в азиатской. Тотчас же пошла в природу; пошла
 и не может быть, закон как закон для кого любого. —
 (Дидро совершенно забывает или игнорирует, что пошла
 ни одного существа, которое не существовало бы своей зависимости,
потому от чего-нибудь высшего). Мир представляет собой
огромный двухряд, на котором каждый, прекращиваясь,
сразу и срабатывается безконечное колесо шаров, про-
извод невообразимо запутанную и никогда не исчер-
пающуюся связь необходимых движений. Но прав-
ственный мир? Или закон не допускает божества. "Раз,
вы не признаете, это можно родиться на своем св-
расположении наладить огромное удовольствие во
длании добра? — Я допускаю это. — Это можно получить
прекрасное воспитание, которое укрепляет природную
наклонность к благоразумности? — Без ведь какого
сомнения. — Это, во больше зрелом возрасте, опытные
могут убедить нас, что, во конце концов, для
содержания счастья во этом мире, лучше быть естественным
человечком, несем мощенником. "И закон, для прав-
ственного договорного искупления, воспитания и опыта.
Быть добродетельным, чтобы попасть во рай, значит

+) на обороте у
 всталъ дикимъ
 народовъ, восточна,
 съясъ почитание
 Бога, азиатъ воз,
 никакъ зомско
 на извѣстной ер,
 поны развигид,
 при философию,
 ванн, того, въ самую
 раннюю эпоху
 аще пошла.

+) Троица, Солнце
 Кавенс по фозе,
 шизму и з. д.
 Человѣкъ —
 чело и природу
 и пои безрочно
 ешь въ пелн
 съремиение
 къ Богу.

сущая денги на болшие проценты, при гелъ кредиторъ,
къ несчастю, сущая монета оемъ солидарнаго доухом.
сва. Галиция — безправственна, она явлется неограниченно
пресудлений, фактична, войтъ, казни и пр. Про симъ,
къ дорогахъ плача за такую основу правственности, на
которой въ сущности несть основа ничего. Но Шенкель поетъ:

Во вѣрхъ, природа, въ глазахъ Дидро, предозавладе
ничто производимое общество. Вся человеческая
дѣятельность и пороки происходятъ отъ общества, которое изъ
брало власть, различіе, іерархію и богатство, т.е. чужде,
не только, званію другимъ, различіемъ и несчастію
вѣдѣ, и которое — что важнее всего — изобрѣло мораль.

Какъ видно, это — въ обществѣ до те самое ученіе, которое мы
встрѣтили уже у Руссо; въ то же различіе замѣтка, что у Руссо
еще то, что онъ ^{Руссо} ограничивается защитникомъ человеческой
совести, борется за правственность, будущую жизнь и
Провиданіе. — Возьмемъ отличительную черту Дидро: онъ
сильно и грубо, иногда цинически и часто оемъ глубоко
нападаетъ на мораль. Мораль — чисто общественное
установленіе, дамы болше независимое, что ея лицензор.
ное принудительное вліяніе производится на человека
извне; подъ видомъ правственности чуждъ дѣтей отъ,
казивается отъ законныхъ удовольствій, являющихся
результатомъ естественныхъ функций.

Дидро отвергаетъ все добродѣтели, христіанскія,

Nur die Fortuna
ist das Leben

споминаний и даже своих, относящихся только к индивиду,
 душу и основанный на уважении к самому себе. Ува-
жательность, справедливость, презрение, сдержанность,
искренность, все это — чувства, предрассудки и общечеловечес-
кие свойства. Щепетливое и деликатное в выборе
 средств — нежелательная привада, когда человек уверяет
 в своих намерениях и знает, что они хороши. Что
такое добродел? Она исчерпывается одним словом:
Благозвериность. Все, что полезно для человечества —
хорошо; все, что вредно для человечества — дурно; то,
не принадлежащее никому ни добра, ни зла — безразлично.
 Это за базисное, если я лгу, клянусь или донесу что-
 нибудь еще худшее, когда похитили охоту без по-
 следствий, без губительного влияния на выживший мир?
 А если моя ложь или мое клятвопреступление приносит кому-
 нибудь пользу, то я даже очень хорошо донесу, что лгу
и клянусь. Маэура Дидро спасла его от унижения,
 похоти пороков; Бюффон, независимый и великодушный,
 через орк грубые возделания и пошлости, они были
 настолько серьезны человеком, что ложь создает познание
 в родне нравственности, опирается на свои инстинкты.
 Они основывались на уважении, на кривизне природы, т.е.
явлений, поэтому что природа — не то иное, как сово-
купность явлений.

Наконец природа явилась для Дидро в науку.

1) Ср. подобный диалог: Est-il bon? est-il méchant? (Добра-ли
 оты или злое?), — одно из удачных произведений Дидро.

Она ценою ее методы, ее направление, ее результаты. Но
 Дидро понимал слово природа в гораздо более широ-
 кенном смысле. Она не подразумевала под ней той
 вневременной природы, которая изучалась по преимуществу
 еще в XVII-ом веке и существование которой Декарт
 считал более достоверным, чем существование вещи,
ней природы. Вот почему человек получался, по мнению
 Дидро, извне; его философия, в отличие от философии
 его эпохи, урила его, что весь его идем получает лишь от
 разра посредство чувств; владение этого было вполне
 естественного, что внешняя природа и занимавшаяся ею
 науки считались предметом его изучения. В середине
 XVIII-го века он дерзко заявлял, что чрезвычайно
длинно кончил; но в отличие от этого, в противоположность
 той будущей, он возмущался наступлением чрезвычайно
вещности наук. Физиология и физика, — вот куда он
 призывает молодость, не без некоторой аффектации;
 но эта аффектация подкрепляется идем истинного пре-
 нало. С появлением Дидро, философия и науки ста-
 новятся в образное отношение: философия
 оказывается навязывает лишь свои суждения и осуждает
 лишь ошибки, тогда извлекает из них общее представле-
 ние о вселенной. Философия Дидро, в ее характеристике,
 темные часы, является истинной философией приро-
ды. Она была у Лейбница его принципы достоверной

причины (*causa sufficientis*), наименьшего двойсвѣд и не,
 прерывности изменений (*natura non facit saltus*), — прин-
 ципы, предполагающіяся и подтверждающіяся при всякомъ
 научномъ изслѣдованіи органическаго и неорганическаго
 міра, — и отъ первый, раньше Теллверія и Тольбаха, снова
 поставили человека въ окружающія его условия и свели
 правдивѣйшую науку къ естественнымъ. Отъ это послѣднимъ¹⁾

Мръ Дидро въ литературѣ сдѣлалъ какое-то чудное аде-
 нтиса. Этому болѣе всего содѣйствовалъ его братъ Лагарпъ,
 Яковлевичъ 93-го года, обращенный на чужъ земли — г-жею
 Манлиетъ и написавшій „Философію XVIII вѣка“ съ единаго,
 существеннаго цѣлью — очеркнуть Дидро и влиять на него всего
 злобу и клевету за то, что философъ осмѣлялъ его плохіе
 сужденія. Лагарпъ приписалъ ему даже такіе сочиненія,
 какія онъ никогда не писалъ. Но еще хуже поступилъ
 съ Дидро другъ его, Мезионъ, издавая его сочиненія. Этому
 кономану адептиса, печатавъ произведенія философа, дѣ-
 лалъ къ нимъ безразличіе, заключавшій въ себѣ самыя
 крайнія мнѣнія, — и зенеръ зрудно узнавъ, что въ эвнѣ
 мнѣніяхъ принадлежали философу и что заекая-
 сь его высказывалъ слишкомъ усерднѣй адептиса Мазеръ,
 Яковлевичъ. Отъ этого, можетъ быть, въ сочиненіяхъ Дидро
 такъ много прозвонорговій. Въ сзачствѣ Энциклопедіи
 „Провидѣніе“ онъ, напр., съ жаромъ говоритъ о безсмертіи.
 Согласнъ это невозможно безъ новыя и извѣстныя

¹⁾ Я видѣю горькія задушки за тебѣ, за права, за образование, и въ писанья къ чужой
 и сзрой правды гдѣ Неккеръ, котораго откубавалъ, извѣстнѣе мнѣ, что на возмущенъ я
 раньше: „ва да, конечно, выжили мнѣ, — говоритъ онъ съ, — подобно къ душевной миссѣ и зонкоу
 гурова, которая перешла да въ думи мои въ мои произведенія.“

4) Ожрадное, густое лицо, милосердно-блестящие глаза, черные блестящие впадины, улыбка, до и даже малейшая на чертах, отражая в себе быстрые скачки мысли; отвлеченные мысли, источившие ртуть, выщербленный огонь, проникший это крупное существо и согревающий все, до чего он ни коснется, — вот Дидро. Во Французской эссе и критике найдем Дидро, работающего у Фальконера, т.е. Collet, славившийся в свое время замечательными исследованиями о зрительной философии. Замечательны замечания о славянском слове.

Дидро, как человек. "Голова на плечах швейцарского Лангра — то же, что философия на вершинке колокольни, она никогда не цустремлена на одну точку, а если возвращается в прежнее положение, до точки для того, чтобы снова повернуться. При удивительной быстроте в своих движениях, она лезет, плакает, фантазирует и мыслит, они говорят очень медленно. Это как, через мить, до я — позже швейцарской эссе; но прежнее вание в соловьи и похотливое наблюдение за собой немного исправили мить." Также говорит сам Дидро.

Очень удивительно Лангра, сглаженный парижанином, действительно исправился, но только не в том направлении, как он полагал. Его язык мог попросту переноситься от предмета к предмету, но сдерживался. Мосье его ртуть ни в чем не цустремала быстроту его мысли. Он был говорлив и разсудлив, любил давать советы и разсуждать. Эссе сам Лангра, скало козевушка никогда не был сводческим человеком; в салонах, оживших для него, благодаря его громкой известности, он оживал вообще небрежно, ноши и восторгившимися манерами; но из-за вставь сводческих триллион всего больше попирает мить требование хдерманности языка. Большой обзор и лакомка, он не стеснялся распространяться о несварении своего желудка:

(1069)

когда данными предмету занимался его, онъ долженъ былъ говорить. Его беседа была широка, народнаго харак-
 тера, падкая на ^{техн. термины, термины} сарказму; никто и ни передъ кѣмъ онъ
 не могъ удержаться отъ непринудимыхъ шутокъ, козо-
 рылки кивнула его голова: онъ долженъ былъ говорить.
 Его музыкальная прѣдпожа наполняла, въ инкозораль оф.
пошенин, Ангелеса Колгера: онъ бросалъ молодымъ правду
 прямо въ лице; она была у него на чумѣ и рвалась у
 него съ языка: онъ долженъ былъ говорить.

Теперь намъ понятно, что появление Дидро въ Петер-
 бургъ, непринуденный и искренний зонтъ его руки, сво-
 бода мысли, полное забвение Эрикера произвели небла-
 гоприятное впечатление на дворе; для Екатерины же,
 охладнѣвшей тогда пожеланию къ Энциклопедизму,
 представили интересъ чуждаго развлечения. Сладостная
 вынужденная зрелость, она съ богами скептически
 вслушивалась разные призывы къ реформамъ, счита-
 ла ихъ грезами непрактическаго человека, но несмотря
 на это, была необыкновенно ласкова, сама завела речь
 о переизданіи Энциклопедіи въ Россіи, и освѣтила Ди-
 дро милосердіемъ. Памятникомъ пріезда въ Петербургъ фи-
 лософа явилась группа модныхъ произведений,
«планъ универсала» или, договоръ, система народнаго
образованія для Россіи, обдуманный въ малый часъ,
 посылка и свидѣтельство о животномъ интересѣ Дидро

къ русской жизни, национальному характеру, народной грамотности (которую онъ считалъ бы достойно дарового и обязательного), даже Эзку, и о широкомъ научномъ взгляде, которую онъ хотѣлъ привить и русскому высшему образованию, — заглавье записка о медицинскомъ образовании англичанъ, о созроуанной мадрасокъ, Sur le luité съ очеркомъ наидольше наизощреннѣйшихъ реформъ, разборъ Маказа; подѣркнутой невполнотой обязанностей преобразовательницы, и пр. Многие изъ этихъ работъ стали известны вназвѣние лишь после смерти Дидро, когда драгоценная библиотека его и все его рукописи были перевезены въ Петербургъ.

У Дидро были друзья; онъ видѣлъ, какъ они дѣлали, вали, соображали планы, цѣлебавали своего индѣ; — онъ вѣр, гался въ нѣхъ существованіе, въ нѣхъ самый индѣный губерва, напималъ связывать, распорядкагся, проводилъ нескромное и дерзкое; онъ набрасывался на нѣхъ, какъ коршунъ на добычу; Эдилъ именно обидѣлся его ссора съ Руссо; онъ ржалъ и командовалъ; онъ даже смѣлъ бѣшь говорить. Впрочемъ, это были добродушный человекъ, обязательный, великодушный, исполненный добрыхъ губерва, хороший сынъ, братъ, оуецъ и даже хороший мужъ, если не говорить о вѣрности, — добрый другъ, съ горячимъ сердцемъ, энтузіасъ, всегда готовый на преданное и самоотверженіе, — лишь бы только ему не

ждали свободно изливаться; онъ извешивалъ себя стасемъ,
 было, когда ему представлялъ случай высунуть впередъ,
 приидъть урасъ въ какить-нибудь переговоры, въ какить-
 нудъ предпріяжіи, гдѣ можно было кинуть энергіей,
 разразнагся плавленными речами. Это было жетко всего
 эгоистъ и самый безкорыстный человекъ, но съ условіемъ,
 тождь онъ мотъ гразитъ себя. Онъ проносилъ черезъ свою
 знобу въ поездничестве лихорадочномъ возбужденіи, чине,
 кадетъ, выходя изъ себя, никогда не извешивалъ себя, онъ,
 немкой непрерывной кипучей дѣйствительности своего мозга.

Это крепкаго организма звало на все эти грази.
 Это было поразительный собеседникъ; его разговоры напо-
 минали блестящій фрейерверкъ, гдѣ съ головокружительной
 быстротой летела образы, идеи, шурри, научная на-
 блоденія, анекдоты, метафизическія географіи, безумная
 мечты, плодотворная гипотезы и, порою, изумительная
 предвиденія. У псаломцаго-ли каминна своей кварзири,
 въ улицѣ Тарань, или въ café de la Régence, въ Швергеръ
 у м-те г'Эмиль или въ Погедуртѣ у императрицы или
 въ Трамвалѣ у барона Тондаха, Дидро всегда кинуть и
 всегда готовъ былъ говорить, по первому брошенному сло-
 ву, по первому намеку, и сколько-бы онъ ни говорилъ, ни
 спорилъ и ни кричалъ, у него все еще оставался изли,
 такъ, не намедни сидѣть ислода; тогда онъ бралъ перо
 и продолжалъ разговоръ иногда съ жль-ше самими себе.

Д. Хорошо изобретший Дидро Трапезы говаривать зная Неккера, что Дидро - голубчик мой, ясный, если только патием сгущу одъ его приеждать, отирает на общепринятых правилах (je vous l'ai dit: c'est un homme perdu si on veut juger son allure suivant les principes recus). Но ведь не параднах же пале, говорите Васильевский, - вот то бы то едало, великми людей въ кляссический жом, драматург иль истощившия складками! Какъ пеловко было бы въ такой одежде нашему стьдниконь, икогда съ кль-мидудъ дружилъ, отъ писалъ м.е.е Волланъ или Франскомъ. И все эти разговоры и пестра были для него не болше, какъ избушкой, перекоммьявивши каму.

ника за руку или неседъ въ палу сражанаго монолога. Лафатре находилъ въ картахъ Дидро даме слѣды робкаго и мало предприимлага Баракера; Дилуэксъ къ палу шонъ

Но отъ писалъ, закше какъ говоримъ, легко, весело, не усаваа и не озривает; писаніе прогизало его члмъ, было для него, закше сказахъ, кидьбу Арнезоудя. Ко- нежно, здъс не могло быть рочи одъ арнезисковомъ урду, о медленной разработкѣ сюжета, о глубоко од, думанномъ общемъ планъ: все такого рода члмшре, нидъ не входили въ его манеру. Для него писанъ или говоритъ казалое совершенно естественномъ дьломъ, отъ приеждалъ къ пелу бегъ великой церемоніи, и еср поискуиъ что-то безеудное въ его, закше сказахъ, авторской однаменности, въ его беззаеутовчивой шировиза, ции; все мжеза и все случаи были для него одитакъ, во хороши. (Т. Лансонъ).

конанъ, которые отъ седи пограбиль, сказади однаидои Дидро самъ, и Тѣре, дьре мозмеръ, ирше всекъ ивѣдвий его характеръ, формулировалъ свой взглядъ на него въ слогъ

Пѣре мже на рудеиъ седьмого и востного десяти, мюидъ XVIII вѣка были роковыми для французской м. зеразурн: одитъ за другими слодили со сцене ея воиди (Вольгеръ, Руссо, Дидро), чужная мжеза новилъ дьдье, лдль; въ 1778 по 1784 г. идехъ зроре рѣдъ конинъ. Радъ мичное впеахлониъ производухъ поелвднѣ дни нлв мизни. Вольгеръ окруженъ царевеннмиъ длескомъ; Руссо члмраеръ въ одиносеубъ; Дидро рудо засинаеуръ

друшнми мѣзукмиъ словадь: "Дидро еср Дидро, голубчикъ одимеветнмиъ въ своелъ родъ. Кро придирливо оронсу, еъ къ его звораніймъ дьре самъ неадуе, - а закнлхъ мидей ле, гиюнъ. Водъ то лодъ, пезво не члмнехъ на одъ боа, ни одъ ири, роди, ни одъ седи, по, годнлнлъ приминларъ съ благодарностю есрробнзга наоуе, нлмнлнл. 3)

1) Сл. D'Haussonville. Le salon de madame Necker, 1882, I. 156.

2) Сл. Aux mânes de Diderot, par Meister. сначала манер. въ Correspondance liden. 1786, поддѣр.

3) Сл. Въ мѣстнхъ къ Вольгеру, одъ 9-го марта 1831.

1) В год юбилей и в Париже (в Школадро) и на родине философа, в Ланге, происходили шум-
 ная торжества, слышались похвальные речи, его гезбовала молодежь, либеральная и полизе,
 геская знаменитости, актеры первые дебаты, общества ремесленников, масонской ложы; его
 называли «первым писателем французского народа», другим человеком и проповедником
 знания. В Париже красуется его статуя (на boulevard Saint-Joachim), а в маленском родном городе
 год преида его ста-
 рый оазис был гораз-
 до больше полезный
 мизоль, и для однази,
 да незнакомый ма,
 ереровой сказала фи-
 лософу, безраздвие его
 на улицы: «Хороший
 и бы человек, го,
 сподить Дидро, но ты
 когда ушь валь не
 еравндуеть с вами
 оузой», красуется
 заперт воздвигнува
 но поднимать во всей
 вбронь, спудя злого
 младшого Дидро, ра-
 бога молодого и залану
 либаго скульптора
 Барзолди, которого
 прославила црня
 коллжалства ерудя
 «Свобода», возвыша,
 точался при вьзвдт
 из нкто-юртескую
 гавань. Философа
 ерудя на предсказан
 на рисует, вь непра-
 тууденной позе; его
 тлени облакалур не
 классическая дога, а
 неразличной его ла-
 ларь, а вь рукавч
 него книга, которую
 оть будро залкоство
 сдилъ сь пилки;
 голова кенного ма,
 клопеня, какъ се изо.
 Францазе веп бюри;
 оть долно во что-то
 вглядываеся. Визу,
 среди ирши свьза,
 красуется заглавие
 Энциклопедия, окру-
 жанное илестами
 вьтхь главней,
 тиль созданиковъ, емолюбившея вокруг Дидро,

среди шумного Парижа, заговорившись в кабинете и до
 последней минуты бредя новыми работами. Ни Вольтера,
 ни Руссо не дожили до осуществления переворота, вьзна-
 кательной степени или подготовленного. Дидро, уверивший
 всего за пять лет до революции, предчувствовалъ се, и
 вь письмо къ Дашковой, по поводу столкновения пра-
 вительства сь парламентомъ Прованса, высказалъ убежде-
 ние, что если дело будетъ такъ продолжаться, революция
 неизбежна. Ужь не гений ли ты? Но ты, скромно озвочаеся, во мнѣ слишкомъ
 много уверенности, и я всегда буду идти на половину заландовъ. *)

О Дидро очень мало писано на русскомъ Языкъ:
 Дидро и его отношенія къ Екатерине II "М. Ф. Шугурова
 (Общественная мысль, книга I) - Дидро и Лессингъ"
 ("Учен. Записки" 1868 г. № 1) - "Денис Дидро, какъ критикъ
 сценической игры" Н. Тоборыкинъ ("Всемирный Трудъ"
 1869 г. № 1 и 3). Ближе писано о Дидро Алексѣемъ Веселовскимъ вь своей
 книгѣ "Дидро и Ларакериски". Москва. 1894. Биографическ.

Даламберъ.

На долго такъ зорыхъ изъ современниковъ Вольтера,
 Руссо, Гюефронта и Дидро такъ же выпадалъ иль часть
 славы или шумного успеха; но иль многоеги пог,
 ти всегда интересны, предсавительстве иль сочиненій,
 и неорикъ общественной жизни должены скорые изураре
 иль самилъ, невели знакомилъ сь ними по неорин
 либеральны. Къ числу таковыя принадлежиу Далам-
 беръ, знаменитый математикъ, независимый умъ, ервв.
 ший вьне гезолгодия и разсера и любивший покой до

эпоху, до того, что оказывался оръ публичного вѣра, меня своихъ мыслей, побуждавшій подъ рукою другихъ коварно измѣривать себя и хранившій самъ благороднѣе мое молчаніе. Какъ соизумленіе Дидро у Энцикло, негдѣ Даламберъ — одно изъ извѣстнѣйшихъ именъ франц. издской литературы просвѣщенія.

Jean le Rond, называвшійся D'Alembert (или D'Alambert, bert, d'Alambert), родился 16 ноября 1717 года въ Парижѣ. Его мать была аристократка M-me de Tencin (Тансенъ, 1681—1749), сестра кардинала и бывшаго министра; она извѣстна въ литературе романами, Графъ де-Кольменсъ и Осада Кале; также продолжителемъ перенесеннаго съ папы Бенедик. Юль XIV; отецъ Даламбера былъ Destouches (Дезушъ), имен., перъ-офицеръ, братъ извѣстнаго поэта. Безсовѣстные родители покинули ребенка. Зимой, 1717 года, полиційскій комиссаръ наметилъ на сугубыхъ земляхъ разрушенной церкви St. Jean le Rond, близъ собора Парижской Бого-родицы (Notre Dame), подобраннымъ ребенкомъ и отдалъ его на воспитаніе семье ерековѣдника. Ему дали имя Jean le Rond, и онъ привидѣлъ имя д'Аламбера, когда уже сталъ извѣстнѣе. А извѣстность эта началась для него довольно рано. Въ самые молодые годы онъ получилъ упражненіе въ математикѣ, хотя сначала занимался правопом, познаниемъ медициной, наконецъ математикой и астрономіей, одно время даже былъ Янсенитомъ. Но въ 1739 и 1740 г.

представив академии наук записку обь интегральномъ
 исчислении, она 24-го мая была членъ избранъ членомъ
 этой академии (Académie des Sciences) въ 1742. Въ то
 же время поподой ученыхъ составляла походящими по-
 ступившими парижскими литературными салонами, чина,
 одобравшими предания оузы Рамбурсе, зовско въ былые
 серьезной земного бестодь. Наравне съ городскими естество-
 ми и съ ищущою болзвней, полного наземного оурау-
 мия, свойственного французскому разговору (causette), въ
 зривъ салонахъ обсуждалась и современныя, живые во-
 просы, результаты озвличеннаго мышления, результаты
 ученыхъ изслѣдований. Здѣсь сходились и организова-
 ныя кружки политическыя и религиозныя новаго
 роуа, свободныя мышлителей, опровергались чужарскыя
 ученія и принципы. Тутъ владычествовала аристокра-
 тид чина, а не розиденія. Салоны эти оукрыли Боннета
 гасуа дамы, и первыя изъ нихъ была салонъ г-жи Пан-
сель, матери Даламбера, которую весь оуспидали однако
 за то, что она оуказалась оу своего незаконнорожден-
 наго сына. Въ эа салоны преобладала аристократи-
 ское направление. Она, какъ аристократка, пренебрегла
 наукое и называла своихъ поступителей — своихъ звать
рицель. Незадолго до ея смерти оукрылся салонъ г-жи
Мюфрель (1699 — 1777), дактогаческой чини, вкуса
 и доброты; у нея собиравлись государственныйя люди и

писарями. Станиславъ Понятовскій называлъ ее — татан. Англичанки нѣмцкии дворовѣ прилестиво похвально ея салоны и сообщали своимъ государямъ обо вѣтѣхъ ее, молаль, занимавшихъ общество 2-ми Шюффриемъ. Экаре, рина II, хотѣла по безупречномъ на преезду, стала также содержать повтореннаго при Этомъ салону. Въ одно время съ 2-мю Шюффриемъ открыла свой салонъ и маркиза Дюдерфранъ (1697—1780). Разойдясь съ мужемъ, она собрала вокругъ себя преимущественно ученыхъ и рождала, какъ судья, философскіе и эстетическіе вопросы. Она была продолжительною перенесену, вносила, своимъ изданіемъ въ свѣтъ, съ Торасомъ Валспольемъ и Вонъ, герольдъ, съ Даламберомъ и Кепантъ (Эмо или Темо). Маркиза основала подъ старое, но не закрыла своего салона и, чтобы оживить его, пригласила къ себѣ Бюджину дѣ, вунку, Мюли Леспинасъ (1732—1774), побочную дочь графини д'Арлотъ, ограбленную своимъ бракомъ и запертую въ монастырь. Молчаливая старая маркиза вѣдала ее къ себѣ, но обращалась деспотически съ молодой дочушкой, и за, подъ вліяніемъ Даламбера, послѣ десятилетней рождалой жизни, оставила своего покровителя и открыла содруземъ салонъ. Терцонна Люксембургская дала ей медлированное почтеніе, министръ Шуазель ввелъ похвалъ ей у короля значительную пенсію. Разрывъ между маркизою Дюдерфранъ

1) См. статью Евгения Туръ въ «Русской Речи» (№1-3), Торасъ Валсполь и маркиза Дюдерфранъ.

и я компаньонкою сдѣлалась общесуветныхъ европей,
 скимъ вопросамъ; даже многократное посѣлы прихода,
 ли участіе въ званіи соборіи, озовавшемся и на мизера-
 дуръ, въ которой оеалась два года корреспонденту
 г-ни Леспиная съ Даламберомъ, маркизомъ Мора
 и графомъ Тиберомъ. Двухъ послѣднихъ она подила
 снѣсно, хотя въ одно и тоже время, и умерла, поворяд
 нѣхъ шена.¹⁾ Даламберъ написалъ „Порреть“ згой своей
 подруги, („Порреть г-ни Леспиная“), стала бодной
 компаньонки“го мажери, погомъ Лозийки демократи-
 ческаго салона и вдохновительницы философовъ. Такъ
 какъ madame de Tencin никогда не заботилась о сво-
 емъ ребенкѣ, го зго было имѣ справедливое возмездіе,
 что Даламберъ, ял поблгой снѣхъ, съ презрѣніемъ ожа,
 зался, когда ея подѣ сжароетъ казалосъ ясудивнымъ при-
 зрѣся мажери змименнаго мажеражика. Отъ везу-
 ниль во французскую Академію (Académie française)²⁾
 въ 1754 году и сдѣлалась ял несмѣлнѣвиль секретра-
 редь. Даламберъ сжарался все бодъ незавѣннѣ. И заво,
 въ 1772 г. онъ ожазала оа предложеній Дкажерини и
 Фридриха, призывавивиль его въ Росію и Прусію. Фрид-
 рихъ Великій нѣсколко разъ предлагалъ ему прези-
 денство Берлинской академіи, онъ ожазала и хомъ
 два раза воздилъ въ Берлинъ, но не ожазала хомъ, по-
 никая, что онъ не можеть бодъ независимнѣ; Дкаже.

1) Последнее издание „Lettres de M. le Comte de L'Esparpasse“ - Туева Мзодъ,
 Дера, въ 1879 г.

2) Académie des Lettres

рина Великая предпочла ему содуренноручивити
 писемное¹ приязнь на себя воспитание Павла, сь оград.
 нелью еодержанияемъ; современники сравнивали это
 письмо сь писемное Фрэнсиса Македонскаго къ Ари.
 стотелю² и которое на самомъ дѣлѣ было свидѣтельствомъ
 рѣдчайшаго великодушія; однако Даламберъ рече о,
 казался. За ро его окружало общее уваженіе даже враговъ
 его; всѣмъ членамъ обществу вѣрны суждали за честь
 и много его въ число членовъ. Наука спокойная, не сража.
 ная, оны не измѣняла всю жизнь своимъ привязанно,
 срьмъ: уваженію къ воспитавшей его вдовѣ сражающа,
 ка, дружбѣ къ г-нѣ Шюфррентъ, любви къ м.мле Леспи.
 масъ, — хотя послѣднее чужество не пришло ему сража,
 какъ какъ у Леспи масъ была очень дурной характеръ,
 и она — какъ мы это уже замѣтили — не разъ измѣня.
 ла философу. Оны умеръ въ сражающа муреніи въ
 каменнѣй болѣзни, не рѣшившись на лифозомію,
 и попросилъ свѣщенника, какъ сражающа его накану.
 нѣ смерти — приложитъ завѣръ; оны умеръ 29 октября
 1783 года. — Его произведенія.

Первымъ замѣчаемымъ философскимъ произведе.
 ніемъ Даламбера было его очень уже известное, вѣща.
 леніе³ въ Энциклопедію (Discours préliminaire), въ ко.
 торомъ оны высказалъ свой взглядъ на челоѣческій спо.
 собности, еще болѣе развитыи похвалъ въ сочиненіи его

¹ См. это письмо въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г. № 8.

² См. Oeuvres de d'Alembert т. I, стр. 4.

Essai sur les élémens de Philosophie (Опыты о началах философии). Начала человеческих знаний содержат из себя од-
 судженій нельзя фактически и нельзя губительных.
 Все эти наши идеалы бы должны наши ощу,
идеальны. Всё блага жизни - избавление от судбы.
ний, который губительны наши жизнь, есть наслажде-
ний. Нравственное зло есть то, что судит вредит
обществу, нарушая физическое благополучие его членов.
Свобода заключается не въ дѣйствіи безъ подсуденія и
причины, что невозможно, а въ дѣйствіи по выбору и
безъ принужденія. Девизъ добродѣтельнаго человѣка пред-
почтеніе себѣ - себѣ, отечеству - себѣ, человѣ-
честву - отечеству. Рокотъ есть предупленіе прожить че-
ловѣчеству, пока хоть одна членъ общества судит.
Тотъ кто правитель хорошо, которое одинаково охра-
няетъ всѣхъ гражданъ. „Конечно, въ дурно управля-
емомъ государствѣ (и всѣ болшею частью законы - при-
казанія Даламбера) несчастный гражданинъ, доказав-
шій себѣ силу необходимую, долженъ быть на-
казанъ для общаго спокойствія, но по справедливости
следуетъ наказанъ еще суровѣе въ этомъ случаѣ пра-
вительственный лиздъ. Въ сочиненіи Reflexions sur
l'histoire (Размышленія о исторіи) Даламберъ гово-
ритъ, что она должна быть изложена, начиная съ по-
слѣдствіемъ и переходя къ древности. Въ политикѣ

Французская история литературы XVIII в.

Даламберт является защитником либерализма, ко-
рый вторично во реформы своего. Въ религиозных
мнениях его огромная разница, смотря по тому
излагаются ли они въ его сочинениях или въ пере-
писках. Въ первых онъ отзывался съ уважением о
предметах, которые въ писаниях остальных наставни-
ками. Это печальная, но покаянная черта душою
его времени. Въ переписках с Вольтером Даламберт
повторяет его требование: „Écartez l'infame!“ — говорит,
что теология — абсурдъ, называет каролинское духовен-
ство — комедиантами церкви.

После того, какъ изъ друзей соиздниковъ Энцикло-
педии по отдалу богословия однимъ божь отлучены отъ
церкви, другой изгнанъ, а третий умеръ, Даламберт
самъ написал статью о Метеве, въ которой заветна
наклонность къ деизму. Это подействовало противъ него цѣ-
лую бурю, и онъ вынужденъ изъ редакціи этого изданія,
но продолжалъ писать философскія сочинения. Одно
изъ нихъ: „Объ уничтоженіи иезуитовъ“ — написано
съ полными безприсудрастелью; въ „Опыте объ обще-
стве литераторовъ и великодушъ“ (Essai sur la société des
gens des lettres avec les grands) философъ высказываетъ
прямо, что литераторъ не долженъ связывать себя ни-
чимъ покровительствомъ и долженъ стоять выше
мудъ, знаменіе которыхъ основано лишь на случайности

происхождении и на служебной обязанности. И Да, Ламберт сам все эти труды были вверены Этому при-
казу, во те времена, когда Вольфганг был первым покло-
нником символического мира, а Дидро принимал их по
дарку.

Избранным секретарем Академии, Ламберт составил
70 биографий ее членов („Похвальный список“), изследо-
ваний о музыке, — происхождение которой отъ припи-
сывать онеланцо производит музыку. В математике
онъ считалъ важнымъ открытiя: ввелъ уравненiя равнo-
всiя и двисненiя звездныхъ системъ, объяснилъ процессию
равноденсiевъ, ввелъ правило, названное его иже-
менемъ, для союавленiя уравненiя двисненiя системы
вещезвезныхъ частицъ, подверженныя двисненiю
позоронныхъ силъ; предложилъ способъ интегриро-
ванiя совокупныхъ дифференциальныхъ уравненiй,
ввелъ въ геометрию новый родъ осовенныхъ точекъ крив-
ыхъ линий, называемыхъ точками возврата 2-го рода,
измѣдовалъ Элипсоидескiя функции и пр. Далѣе, онъ
писалъ объ осеи, перевелъ Тациуса, писалъ даже ерм.,
хотворенiя.

Во концы жизни его членствъ работы едва поить,
сумелъ въ 15 томахъ; вместе съ женою онъ съ имвилла
успѣлъ слѣдить и за осязательными огражденiями уи-
свенной двигательности. Въ нѣсколькихъ книгахъ его

„Mélanges philosophiques“ собраны диографические очер-
ки сарматы и новыи писателей, философскія сармы,
офрочинный сводъ синонимовъ, вассерскій характеръ,
сржки, оръ которыи не оуказался бы искусной повтасъ,
бовазель-реалистъ (напр. много чуме уполнмущый, Пор.
зреть гми лестинась). Серсезный, сосредоточенный
Даламбергъ и палкий Эидро, два слова разносроронимы
ума, били, казалася, (при изданіи Энциклопедіи) ирдыко
призваны сары собирательныи научныи результаты.
Но собираніе и копиплирование чужого факъ зие сары,
какъ и человочекая наука; еще византийцы и ис-
панскіе арабы оулипались на зволъ поприцы. Далам,
беръ и его доваричъ поняли свою задачу безъпърно ша-
ре, и, опираясь на прииторъ сар. Бэжона (она его globus
intellectualis), придали своду знаній обвединожоній,
философскій духъ, саройчуръ систему, вдохновилася
срреленіель къ своду и гуманности, выурмили ртъ
те взгляды и губежа многоисленныи соорудом,
каль, и иль работа заняла одно иуръ посезитыйишль
мтсезъ въ незоріи простотоценія.

Гюсавъ Лансонъ сардизъ о Даламбергъ, что онъ, чд-
кій кризисъ, недоуруный для поэзіи и искусства, не,
ферилной философъ, нечавидовый до безурвйя рели-
гито и пареровъ; земелый и гуманный писатель, м,
мечный факъ, неспособный по натурѣ ни къ челу

тщательному и плохо маскировавший свою сухость манер,
 ценною и ^{ценною} манерностью благородством. Это лице,
 разурная работа каснуясь осязает зоркости во насущное
 время и, как я думаю, с каждым днем будучи все
 больше и больше утрачивает свое значение. — Но грядущее
 не менее можно сказать, что, чудная Волшебница во
 блеске и остроты, Дидро во сражении красноречия
 и неумолимости во борьбе, Даламберть превосходить
 лишь спокойствием изложением перил, методичностью
 и многими знаменитыми.

2. Мармонтель.

Къ законамъ же, каковы Даламберть, принадлежалъ
 также универсальный и посредственный Мармонтель
 (Ж. Ф. Монтанел, 1723—1799); кризисъ и некрозъ ли,
 геразуръ. Онъ былъ главнымъ редакторомъ сражений по
 лигеразуръ во Энциклопедии; у него не было недо,
 сражка ни во вкусе, ни во знаменитых, и сборники эрмиса
 сражений, вышедшихъ подъ заглавиемъ Элементовъ лигера-
 зуръ (Les éléments de littérature), служилъ для насъ луч-
 шимъ выражениемъ среднего вкуса XVIII вѣка. Сра-
 зуръ Даламбера являлся здесь гарантацией зоркости. Но
 Мармонтель былъ призорно сладкий болтунъ, который
 во своихъ «нравственныхъ сказкахъ» гладкой софисти-
 кой губерва прикрываеъ развратъ и называетъ это
 моралью. Кроме того онъ написалъ два скучнейшие
 «les Contes moraux»

романа „Велизарий“ и „Инки“, написанные на него эфго-
 госди Сорбонны и Парламента и сделавшие его на
 одно мгновение предшественелем философии. Но въ
 сущности у Карноуэль есть только одно произведение,
 принадлежащее къ тому, что я называлъ бы гимной ли,
 Феразурой, Это его главные Мелцары,²⁾ въ которыхъ онъ
 описываетъ часть своего карьеру красиваго лимузен-
 скаго парня, попавшаго въ среду наиболее свободнаго
 изъ когда-либо существовавшихъ обществъ и съ полнаго
 самоодовольствиемъ здоровой и посредственной природы
 вращавшагося среди наиболее выдающихся кружковъ
 этого умеренно-развитаго общества. Тягло, умъ, нравствен-
ная порядя и вообще все - прочно, массивно, а недо-
статочно окончено у, Этого изгнанаго ^{Нормандия, Пармания, Ломбардия} всесоки
изъ крестьянъ. — Три тисарей.

Три изгнанныхъ тисарей того времени сродни
 въ близкомъ отношеиель къ Дидро и не только поэт,
 зовался его соображенельми. Они принималъ за сестре,
 мажоранто уэль повнелъ материалистическель воззрений,
 которыхъ въ то время бродили въ парижскихъ кружкахъ.
 Мелзъ сказалъ, что сестрель Эфи были особенно удачно.
 Въ нихъ очень много произвольнаго, они проникнуты
 разнели догматическель и предвзвель, съ многими
 основательными замечанельми, немало заблуждений
 и ошибокъ, постыжныхъ выводовъ, не во-время

Талевейден,
 Рейманъ и
 Тондаль

1) „Bélisaire et les Incas“
 2) „les Mémoires“

подвешенных узоров. Писатели, о которых я говорю, — Тельвеллер, Рейнарт и Томбаль. Особенными, выдающимися и заслуженными дарованиями они не отличались. Но книги их наделяли много шума; чтение, которое они развивали, находило сильный отклик во обществе, имело значительное распространение и представляло очень характерные черты для истории общественной мысли во XVIII столетии. Поэтому они и заслуживают серьезного внимания.

1) Тельвеллер.

Claude Helvétius родился в 1715 г. Его отец был придворным врачом, счастливо окончил жизнь Людовика XV, когда король был еще ребенком, и имел обширные связи во всем парижском обществе. Как и Дидро, как Вольтер и многие другие просветители, Тельвеллер получил воспитание и образование в коллегии иезуитов. Как и Дидро, он развигался сначала ^{в Париже} ~~в Париже~~, но 21-года был уже академиком в Канте. За то, благодаря своим связям, он получил два места уреть ^у ~~у~~ роду ^у ~~у~~ генерального округа. Это было одно из очень видных и придворных мест в эту счастливую эпоху, с едерианом, в 50-60, ^{около} ~~около~~ в год. В старой Франции борьба подачей отдавалась на округе финансистам, которые, разумеется, выжимали для себя из низшего класса

1) Claude Adrien Helvétius, род. в январе месяце 1715 г. в Париже.

громадные доходы. Но, по всем свидетельствам современников, Телсвецкий не походил во всем оном, тем же на своих совоарищев по ремеслу: он был очень снисходителен во сборах, и ему самому случалось нар. сообразными средствами выплачивать бедности. Он делал много добра и выдавал пенсиям много, писался и между прочим Мариво, не цте, жившим этого благодарид и грубо обращавшимся с Телсвецким. Как бы я оудталась его, сказал он однажды, если бы не было ему обязаня зелье, то он бы принял от меня пенсия: Телсвецкий искал славы на ветах поприщаль, оулично фельзоваль, занцоваль однажды, подь маской, на оперной сцене, пользовался божественными ченталами у менщиков, писал легкие сри, ли во подразнаніе Волгезеру. Жившим на зелье году, он удалился во свой замок, где попростому делал много добра, работал и пользовался сельскими удовольствиями. — Очень рано Телсвецкий завязал сношения с извезными литераторами того времени. Он познакомился с Конзексе, которому сообщил замыслия по поводу „Дула Законов“, вступил во переписку с Волгезером, знавал Теофрота, за тем сблизился с Дидро и Даламбером. Кроме того его поощало множество врозеченных литераторов. Литературная связь Телсвецкого для нас важна во

зово отношении, то или иначе объясняя генезис
 его естественных сочинений. Во своем философском
 кружке он обыкновенно поднимал горя или другой
 вопрос, пытал его на обсуждение, прислушивался к
 мнениям, вникал в подымавшийся спор, и затем
 уже передумывал и систематизировал то, что было
 обсуждено. Он сам говорил о себе, что он любит
 охотиться за идеями (*faire la chasse aux idées*). Результ
 чаше такой систематизации представлял в своем
 обсуждении воззрений явилось его сочинения, ильвий
 большой ценится. Телсвейц был посыл в Англию,
 где король принимал его особенно ласково, но еще
 больше внимания оказал ему Грэдрик Великий, при
 гласил его в Ферлинг, дал ему квартиру во дворе
 и всякий день много за королевскими едалом. Но
 философ не долго прожил у этого "деспотического
 ладарала" и, вернувшись в свой замок, вскоре умер
 от припадков подагры в начале 1721 года.

В 1758 году Телсвейц издал книгу De l'Éprit
 ("Объяснение"). Взор утверждая, что весь ум равен
 при рождении человека. Главными двигателями всего
 человеческого похитков он считает эгоизм и виды
 различия между человеком и животным зоолого в
 чертотворстве иль органов, направленных к чувств
 киль иль. Он утверждает это посредством

случаевъ, собранннхъ у разныхъ путешественниковъ. Книга Теллвезидъ была сочинена по приговору парламента, не смотря на то, что авторъ обнародовалъ забвение, что онъ „не хотѣлъ нападать ни на одну изъ истинъ Христіанства, которое исповѣдуетъ во всей еурогеи его догматы и предписанія“. Но кромѣ религіозныхъ и фалософскихъ принциповъ, въ книгѣ въсказывались и политическія идеи, возмущившія весь дворъ: Теллвезидъ защищалъ права народа и интересы свободы, обличалъ страшныя злоупотребленія знаменитыхъ лицъ и требовалъ реформы правленія. „Если у сына богача, говорилъ онъ, много чина, съмѣлуйся, осторожнѣе — въ республикѣ онъ будетъ Демисо, млодь или Каріель, у насъ — Каррүмель“.

Книга эта получила получила громадннй успехъ въ Европѣ и переведена на весь языкъ; во Франціи и за границей вышло до 50 изданій. Она была осуждена въ Римѣ, въ Паризской Сорбоннѣ и, какъ уже знаемъ, сочинена, по приказанію парламента. Въ виду преслѣдованій со стороны властей, авторъ долженъ былъ отречься отъ своего сочиненія, но за то получилъ извѣстную во всемъ образованномъ мрѣ того времени. Теперь нѣсколько лѣтъ Теллвезидъ снова принялся за писательство и создалъ новое сочиненіе, которое въ сущности представляеть допол.

1) На русскій она переведена въ 1788 г., въ Тамбовѣ В. Д., подъ названіемъ „Духъ Теллвезидъ“.

нение — повзрение или развие президло. Эта новая книга носила заглавие: „De l'homme“ (О Человеке) и вышла в 1772 г., уже после смерти автора. —

Теперь я обращаюсь к разнообразию нескольких основных взглядов, изложенных у Теллвезиуса, и сопоставлю их с отношениями Дидро к тем же вопросам. Мы увидим разницу в заламках, в приемах и в выводах. — Я уже, и. г., говорил вам, в каком отношении для нас важны и интересны сочинения Теллвезиуса. Оби книги его представляют комплексно, систематизацию, догматическое изложение взглядов, которые во второй половине XVIII столетия имели большое распространение в парижских философских „салонов“ и в коротких мы вероятно были множеством взросленными литературными направлениями того времени. Идеи, получившие развие в книгах Теллвезиуса, звучат на весь протяжение второй половины XVIII века; мы находим их в корреспонденциях, философских фрагментах, в романах, наблюдениях и повестях, — а даже в романах революции, открытых ораторов, в проектах реформаторов, в интерпретациях правителей 90-х годов. Изследовавши огромное число говорящих о догматизме XVIII столетия, о крайних посях и заблуждениях просвещенцев, об их наивной борьбе в теории и о практической нейтральности.

логичности или истины. Действительно, в подобных замечаниях есть доля правды, — и мы сейчас познано, живем с этими воззрениями, к которым эти главные образы относятся.

Известно, какое громадное влияние оказало на всю французскую просветительскую литературу учение Локка. С легкой руки Вольтера оно быстро распространилось во Франции и приобрело множество последователей. Философствующая армия выросла под знаменем Локка. Под руководством английского мыслителя были нанесены жестокие удары схоластической традиции и прологием были пути к просвещению, к утверждению человеческого достоинства и к развитию человеческого разума. Но вместе с тем эта ревность по Локку и общее увлечение новыми просветительскими теориями приводили взорослевших предшественников к некоторым крайностям и производили много выводов, несогласных с французскими опытами даваемыми. Такие-то громадные, категоричные, неоправдываемые действительно, мы находим в книге Теллвигуса.

Отправляясь от Локковой теории познания, Теллвигус строит следующий ряд соображений, которыми мы сейчас уже вкратце коснулись. Намеки уже не столько, как собрание наших идей. Идея наших дающих

наль губервами. Комплекс губерв у всякх людей ожно и
 до же. То касаетя до иль качества, до иль большаго и
меньшаго совершенство и дошко, до оно не ильветь
влиянйя на члв. Следователно члв — не дарь природы,
 а приобретение, одинаково доступное всех людей св
св обыкновенной организацией. Безкомерное разли
чье члв, которое мы веруем въ дншевнелнстве,
опредмлетя не природными данными, не организа
цией, а всего зависит от обработки. Талант
воет, геніальност — вовсе не обусловливают природ,
наль расположеніе; всех люди одинаково могут
достичь геніальности: для этого нужно среленіе насу
ливннх случайности, усиленная члвеченная сосредо
зоченост, и прислание. А эта сосредозоченост,
это вниманіе и прислание зависит от наши ин
тересов и срассей, возбуждающих и поддерживающих
въ нас вниманіе. Въ свое очеред срассей и интересы
могут быть развнны въ каждом человкн силото обра
ботки. — Таково одно из основных положеній Тел,
вещица: всех люди св обыкновенной организацией въ
члвеченном отношеніи равны; природных различій
нету, и существоющая разница опредмлетя обработ
кой.

Это положение есть крайній и неоспоримый
 вывод из теории Локка. Въ своей борбѣ съ врожденн.

нами идеями, с готовыми понятиями, насчитанными
 в нас еще до рождения какой-то мистической силой,
 Локк сосредоточил все свое внимание на естественном
 образовании наших понятий путем восприятия ощуще-
 ний. Он совершенно верно обозначил существование раб-
 коту играя при создании наших представлений
 окружающая действительность, внутренний мир. Но
 забывшись анализом наших впечатлений, Локк
 сбавил без внимания этот самый орган, который су-
 ществует центром и фокусом для наших представлений,
 т.е. самый мозг. Между тем не подлинно сомнительно,
 что строение этого органа само по себе представляет
 уже извлекший материалный материал для восприятия и
 группировки представлений; от извлекших особенностей
 мозга должна зависеть наша познавательная способность
 и различия в строении этого органа должны отражаться на
 самих управленческих мыслях. Но, что у Локка остав-
 лено без должного внимания, — у Теллвезиуса прямо
устранился: он не признает различий в природной
 организации нашего мозга и категорически относит
 всю разницу в человеческих воззрениях, понятиях,
 умственных способностях ко влиянию обстановки. —

Это положение Теллвезиуса нашло роженического
 продолжения в лице Дидро. Я уже выше, м.г., говорил,
 как Дидро сродил Дидро к Теллвезиусу, как он

самъ доставлялъ материалы для его книги и какъ Телъве-
 цигъ пользовался соображеніями, замечаніями Дидро.
 Но съ рѣзкими, угловатыми и догматическими заключе-
 ніями Телъвециуса Дидро согласиться не могъ. До насъ до-
 шель шивой, байкій коммерціарій, написанный имъ въ
 книгу Телъвециуса о Селовтскѣ (De l'homme), и взоръ ком-
 мерціарій знакомилъ насъ съ отношеніями Дидро къ такому
 же вопросу.

Возрастая Телъвециусу, сводившему и наукою, и
 творческую славу къ утилитарнымъ подвизеніямъ, Дидро
 не скрываетъ оскорбленнаго губезва. Если это такъ, говоритъ
 онъ, войдите вы въ рабочій кабинетъ чужаго съ шуро,
 мехомъ въ одной рукѣ и мышкотою золоза въ другой, и
 вы посмотрите, промѣняете ли онъ на это золото
 физическую теорію, надъ которою онъ работаетъ; предло-
 жите ему пошл первого номера, и онъ безъаки бежа,
 перся за своими книгами и инструментами. Довольный
 немогилъ, гусидый исканій выгода и всему предно,
 кичавшій независимосью, Дидро вполне подходилъ
 самъ подъ такую характеристику насроящаго чужаго.

Дидро не могъ допустить природнаго чужеземнаго
 возмезва между людьми. Онъ насраиваетъ на томъ, что
 можетъ самъ по себѣ, пошимо обезановки, въ однихъ лю-
дяхъ имътезъ озлшій, особенносхи, свойсхва, козорый
 онъ не имътезъ въ другихъ. Неучемъ можетъ быть

целостность заков или платеж, возможность быть здоровым или некор-
 малем — без всяких последствий для умственных опе-
 раций. Если вы допускаете, говорите Дидро, что человек
 с большими глазами плохо видит, то вы должны доу-
 снуть и то, что строение его мозга и черепа должно от-
 разниться на его мышление. Правда, замечаете вы, что
 изучение зрительных органов только начало, что устройство
 мозга для нас малоизучено, но разве последствия этого
 можно пренебрегать его существованием и воздвигать
 только стену, вовсе не принимая во расчет такого
 важного фактора. Тельециус говорит, что, относя раз-
 личия в умах людей к различиям в организации.
 А вы, мы снова приближаемся к инстинктивной силе, к заи-
 ным свойствам природы: мы говорим о какой-то орга-
 низации и не называем самого органа. Но я вам
 прямо указываю и называю, замечаете Дидро, что это
 за орган, о котором я говорю: это — голова, это мозг.
 Как же, — самое возможное повреждение в мозге может
 сделать человека сумасшедшим, а все строение черепа
 и мозгового вещества не играет никакой роли в ум-
 ственных операциях! Вы должны ограничить ваше
 суждение, лишив его категорической формы. Дидро при-
 знаешь громадное значение за одеждой, но вы не
 сходите отсюда, скажете также необходимыми сходятся с
природными различиями в умственных способностях.

Позднейшая теория наследственности умственных качеств и особенно недообразков, на которую в последнее время все больше и больше обращает внимание наука, подтвердила требования Дидро.

Между тем Теллвезиус совершенно естественно пере-
лодиль ось своего положения от умственных равенств
людей, от их природной разности к новому вы-
воду. Все различие как в умственных способностях,
так и в нравственных качествах определяется одна,
повсюду. Мысль к извешным познаниям, прилеж-
ние к извешного рода занятиям, склонность к извеш-
ного рода добродетелям зависят от наших страстей
и влечений, которых существующая в каждом человеке,
но развиваются окружающими условиями. Какими
же условиями являются главные образцы определяются
наши умственные и нравственные качества? — условия
климатическая Теллвезиус усматривает совершенно. Климат
Ирали несколько не изменился, между тем Рим,
мать, озмывавшаяся в древности как и искусство и
какого доблестью, теперь слово своего извешенности
и неумности. Греки и Византия, славившиеся
когда мудростью и добродетелью, ныне находят
в презрении и з.д. Наука, искусство покинули Грецию,
перешли в Аравию, откуда в новую Европу. Во время
этих метаморфоз физический условия ни при чем.

Все зависело от различных форм управления, под которыми шибует общество. Качество народа всегда неиз-
 стожное следствие законодательства. От воли законода-
 тельства зависело произрастание добродетелей и талантов.
 Доблестные дала, которыми наполнены несорин Трещи
 и Рима, свидетельствующая о том, искусство, с которыми
 законодатели эти народы связали гасные интересы
 с интересами общественными. В Трещи и Риме, в
 силу такой формы правления, громкая слава всегда бы-
 ла наградой доблестных поединков, и воле потому
 граждане походяно стремились к подвигам. Напро-
 зив, в возмозных деспотидях, по мнению Телвещица,
 таланты и добродетели находятся в презреним, все по-
 мощнее своими гасными интересами, общия дала за-
 бьют, никто не заботится ни об обществе благо, ни об
 обязанности гражданина. Правда, иногда и в возмоз-
 ных деспотидях мы встречаем притворы доблестей;
 но это бывает только в это времена, когда на зренье
 сидят добродетельные и мудрые правители: зурь ока,
 меновная в присущем дурмане доблестей снова ожив-
 ляется — под скипетром благочестивого владыки. На,
 сего деспотической формы правления Телвещица орно,
 сурь даже склонность возмозных народов к аллегорим,
 мносказанию и образности: все это будо бы средуха орно,
 рошно высказывать истину под вымышленными символами.

12

13

2)

скиль покровитъ. Инакъ, положеніе, къ которому принадлежатъ
 Тельвещіуекъ, заключаеся въ томъ, что форма правленія,
политическій устроденія создатель и опредѣляющъ Ларакъ,
зрѣ общесства. Законодатель безъ особенныхъ затрудненій
 можетъ измѣнять общесственныя понятія и обычаи. Такъ
 напр., перемѣнить религиозныя воззрѣнія народа, по
 мнѣнію Тельвещіуека, гораздо легче, чѣмъ думать: если
 только разумъ будетъ твердымъ среди націи, онъ очень
 скоро на мѣсто всякаго вырожденія поставитъ религію
славы и общесственного блага; дѣло законодателя — сле-
 дить за тѣмъ, чтобъ суетворіе не пускало корней, чтобъ
 не прививались никакіе догматы и никакіе принци-
 пы, несогласныя съ общесственнымъ полезностію. Дидро
 скептически относился къ зрѣнію замѣчательнаго Тельвещі-
 уека и сильно сомнѣвался въ легкости подобнаго пред-
 пріянія. Но общій голосъ во взорно половину XVIII сто-
 лѣтія былъ за Тельвещіуека, и его доктрина о всемоу-
 ществѣ законодателя и устроденій была только от-
 звѣкомъ господствовавшихъ понатій.

3)

Третье положеніе, которое развивалъ Тельвещіуекъ,
 не ново и уже давно проводилось въ просвѣдительской
 литературы, — даже самимъ Вольтеромъ. Оно заключаеся
 въ томъ, что все наши поступки опредѣляются нашими
личными влеченіями или интересами: во всей нашей
 дѣятельности мы стремимся къ удовольствію и стараемся

избывание неудовольствия. События во время Телвечи,
 ца, даже и в то время, после сочинения английских
 болемодульцев, не было ничего страшного. Но он так
 резко его высказал и обезавил его какими грубыми
 прикрями, что теория личного интереса Телвечица
 произвела страшный ^{Андрей Телвечи} переполох в консервативной
 лагерь. Именно за эту теорию нацелился на книгу
 De l'Esprit (оде ума) и Сорбонна, и Парламент, которые
 усматривали в проповеди личной выгоды и личного
 наслаждения гибель всей религии и морали. Было в
 то время, что Телвечица с особенными догматическими
 упреками возмущал в то время смысле, "физическое"
удовольствие (= любовь полова — в значении, говорил
 Телвечица, "представитель у цивилизованных наций
 почти исключительную причину суждений"), высав,
 ляло физическое удовольствие первичное в смысле наших
 суждений и придавало особенное непотопное значе-
 ние. Это грубые формы наслаждения (плотская лю-
 бовь), которая на самом деле далеко не играет
 первую роль в ряду наших побуждений. Но
 Дидро особенно возмущал против этого значения,
 которое Телвечица придавал чувственному. Дидро со-
 вершенно согласен с тем, что наши поступки,
 наши суждения обуславливаются нашими личными
 удовольствиями, но он решительно отрицает, что это

удовольствие главным образом состоять в удовлетворении
 чувственных. „Я мыслил; замыслил Дидро, „Я создал Млиа-
 ду, и когда я проложу, вы воскликнете: возь отъ, который
 написал Млиаду... и я вполне удовлетворён“. — Таково
 при главном положении Телвещица.

Книги Телвещица поразительны обилием парадоксов,
 иногда блудливых, чаще вычурных и эксцентрических,
 быть может недозаочно искусно приходящих к
 делу утилитарную теорию, воспринимая авторы у
 Юма, порождая приписывать человеческую природу в
 ей погоня за наслаждением и выгодой, — но несомненно,
 но много важная догматика, обидчивости, напр.,
 громадный уступать первой книги. Телвещица видимо
 сзрелся создать независимо отъ клерикального кода,
 с правдивости повсюду, научную Этику и собрал
 для себя немало материалов; гурь кь нуидаль
 массы (его смерть была ускорена мужествомъ чести,
 ель по поводу разорения французского народа и отъ-
 сзвий голода), отъ озвонить многихъ мыслителей сво-
 его времени напередъ на произволъ, на франкизмъ, про-
 возлащать свободу мыслей, требовать коренныхъ
 реформъ въ законодательстве, въ военизации; порою
 какъ будто склоняетъ кь поклонению Эгоизму, отъ
 утвердилъ его требованиями общего блага; подобно же,
 му, какъ въ газной жизни мимивъ циникъ былъ

1) во 1, что все люди въ чувственныхъ отношении равны,
 во 2, что форма правления создаетъ характеръ общества и
 во 3, что все наши познания определяются нашими чувствами
 Телвещица и др. и др. и др.

выкраивает: чужака, поэта, музыканта, государственного
человика, практического дядюшку, герцога, злодея. Все — во
 волю законодателя и волеизъявляла. L'éducation peut tout-
zакать озглавленъ однимъ изъ ординаровъ у Тельевиуса. Они
 сравнилъ въ зависимоствъ весь прогрессъ человѣчества и
 все развитие цивилизации отъ чужаковъ нашихъ органовъ;
 но по суровой непослѣдовательности върнулъ во всемо,
 чужаковъ волеизъявляла; отъ полагалъ, что чужаковъ мно.
 дей почти одинаковы и что весь чужаковъ различий
 движется резульзатомъ неодинаковаго волеизъявляла. Спо-
тотъ зотко поравилъ чужаковъ или чужаковъ обществъ во
такое положеніе, которое заставило бы его приобрести
желаемая способность и качества, спототъ зотко подтн,
срываетъ на его интересы, возбуждалъ его стремленія къ удо-
вольствію, къ чужаковости, — и люди, и чужаковъ обществъ
страновѣдъ мудрыми и добродѣтельными. Такая дог.
 научная уверенность во всемоу чужаковъ чужаковъ и
 обществъ и во всемоу чужаковъ законодательствъ (и волеиз-
 являла) находила сильное распространеніе въ поколѣ,
 идѣль второй половины XVIII вѣка, и въ дозѣ годамъ
 отразилась на характеръ самаго обществѣннаго перево,
 рожа.

Въ связи съ этимъ понятиемъ о всемоу чужаковъ пони-
 тический фронтъ развитое воззрѣніе, по которому — съ
 чужаковленіемъ единой и нераздѣльной республики

допустило было нарушить царство всеобщаго блаженства.
 Въ связи съ этимъ понятиемъ разбивалась горя культа
указовъ, ординасовъ, постановлений и всѣхъ учрежде-
ній, образчики котораго мы въ законъ множили во время
этого въ 93 году. Вътра въ президентія, въ декреты доселѣ
на такой степени, что, казалось, сродно только издавать и
обнародовать предписаніе, организовывать комитеты и дѣло
въ штырь. Сказалось возможнымъ посредствомъ декре-
товъ отменить старая религиозная система и вводить
новыя, приказывать брачество, заказывать дружбу между
гражданами, предписывать патриотизмъ, цивилизмъ, эн-
тузіазмъ, искоренять общественный индивидуализмъ.

Политическій президентъ въ XVIII столѣтіи размахри-
 вался, какъ нечто вышнее, независимое отъ истори-
 ческой почвы, какъ продуктъ одной логики законодате-
 ля, которая всегда можетъ облетѣть или любое общество:
 точно какой-то волшебный ^{и принятъ} комитетъ, котораго сродно только
надзоръ, тогда ощущается въ созвоніи неслыханнаго бла-
женства. Опыты французской революціи и послѣдую-
щія историческія катастрофы убѣдили очень многихъ,
что система политическихъ формъ, обнародованіе новыя
президентія, декреты, предписывающіе гражданскую
доблесть, и распорядки, поощряющія публичную
мораль, не влекутъ за собой никакихъ существенныхъ
измѣненій въ строеніи общества. Формы, дѣйствительно,

мянлюся: начальство надъ ваеръ новыя мундиръ, заготовъ,
 мянлюся бланки съ новыи заголовками, упродъ бллюся
 новыя зернища." Но сама легкое сътны указывають
 на ея несуществованность. Когда же происходить дѣйствіи,
 земельный переворотъ въ общесущественной сферіи, то онъ
 являея не продуктомъ извнѣ навданнаго законоода,
 земсхва, а резултозаходъ видоизмѣнившихъ понятій,
 поуредносерей и силъ самого общесхва: эти измѣненія
 дѣйствительно влекутъ къ прочнымъ и существованннмъ
 преобразованіямъ. Намротивъ тамъ, гдѣ понятія, поуред,
 коери и силы общесущественнаго зѣла сродна въ разрѣзѣ съ
 правительственными декретами, декреты эти всегда оста,
 юся праздными словами и никогда не переходятъ въ
 бумагу въ дѣйствительную жизнь. Такъ и въ эпоху фран.
 цузской революціи — подвергается дѣйствительннмъ, корен,
 нымъ измѣненіямъ то, что было вынуждено понятіями,
 поуредносердми и силами господствующаго общесхва,
 маго словъ, имено: феодаальное государство образное
 въ новоевропейское, экономическое. Но желанная свобода
 да и равенство не водворилась; единая и нераздѣль,
 ная республика поерпнула фiasco; всеобщее благо,
 сродніе, о которомъ хотали теоретики, не устанавлилось.
 Большинство выиграло мало, имено потому, что по,
 нятія его не созрѣли, поуредности его не были осмыслены
 и приведены къ сознанию, а силы не были соетены

1) милиціи, парламентской комиссары, урѣднчалъ и у.д.